

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

МАЛЬДИВСКАЯ
ЗАГАДКА

Тур Хейердал
Мальдивская загадка
Серия «Клуб путешественников»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7386405
Хейердал Т. Мальдивская загадка: Прогресс; СПб; 2015
ISBN 978-5-367-032

Аннотация

Тур Хейердал предпринимает экспедицию на Мальдивские острова – именно здесь, по мнению многих ученых, древние народы постигли азы мореплавания.

Содержание

Путешествие первое	5
Глава I Тайна тысячи островов	5
Погребенные скульптуры и жертвоприношение девственниц	5
Глава II Большой холм на Фуа-Мулаку	19
Кто такие редины?	19
Глава III Первый пальцевый отпечаток	37
Путешествия в пространстве и времени	37
Глава IV Пирамида в джунглях	47
Солнечный храм на Гааф-Гане	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тур Хейердал

Произведено по заказу издательства «Бертельсманн Медиа
Москау» (БММ)

Thor Heyerdahl

The Maldiv Mystery

© Gyldendal Norsk Forlag AS, 1986

© ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Путешествие первое

Глава I Тайна тысячи островов

Погребенные скульптуры и жертвоприношение девственниц

Из старых мешков на красный ковер президентского Дворца высыпались комья черной земли и зеленого мха, а следом за ними покатались прибывшие прямо из джунглей, одетые лишайником тяжелые камни.

Сановники, наблюдавшие необычную сцену, округлили глаза, и без того увеличенные стеклами очков. Его превосходительство Маумун Абдул Гайюм президент молодой Мальдивской Республики – не скрывал своего восхищения, как и почтительно стоявшие рядом с ним высокопоставленные чиновники в темных костюмах. Зато солдаты, которые принесли мешки, и озадаченные служители испуганно попятились. Никогда еще среди изящного дворцового интерьера не появлялись такие вещи, да и в собственные лачуги зги люди ни за что не стали бы их вносить.

Перед нами на ковре лежали поврежденные эрозией известняковые блоки. Когда-то аккуратно высеченные из слагающей острова белой коренной породы, они успели потемнеть от времени, но на одной из граней под слоем лишайника все еще отчетливо выделялось рельефное изображение. Выпуклость на обратной стороне свидетельствовала, что эти камни вставлялись в стену.

Детали резьбы выступали над плоскостью примерно на толщину пальца. Особенно впечатляли большие – с суповую тарелку солнечные символы. Изображающий солнце круг обрамляли кольца, одно шире другого. Классическое изображение солнечного божества у всех солнцепоклонников со времен древнейших цивилизаций Месопотамии и Египта. Некоторые камни были отделаны с большим изяществом, по бокам солнца высечены крылья, образуя узор, напоминающий эмблему современной авиакомпании. Крылатое солнце тоже типичный мотив древнего искусства Египта и Месопотамии.

Два-три камня заметно выделялись более сложным оформлением. Ряд отдельно стоящих солнечных цветков чередовался с рельефным символом, в котором вертикальные полосы сочетались с тремя выстроенными по вертикали точками; примерно так изображались числа в письменности майя. Выше этого ряда по краю камня тянулась широкая кайма с мотивом лотоса. Солнечный цветок еще одно изображение, характерное для древних солнцепоклонников, а лотос символизировал восход у народов, населявших обширную территорию от Египта поры фараонов до Месопотамии и Древней Индии.

Было очевидно, что нами найдены вещи, каких никто не ожидал увидеть на островах посреди Индийского океана. Сами островитяне признавали, что никогда не видели ничего подобного. Они верны исламу. Все жители Мальдивского архипелага мусульмане; их предки больше восьми веков исповедовали ислам, с тех самых пор, как в 583 году по мусульманскому календарю, то есть в 1153 году н. э., тогдашний султан указом утвердил здесь эту религию, после чего никто из жителей архипелага не решился бы вырезать такие мотивы. И ведь всякий, кто теперь захочет поселиться на Мальдивах, обязан принять мусульманскую веру.

Тем не менее мы, едва прибыв на Мальдивы, натолкнулись на камни с декором. Правда, их не так-то просто было отыскать под слоем мха среди джунглей. Блоки с рельефными

изображениями были нами обнаружены на необитаемом острове в крайней южной части длинной цепочки атоллов, предельно далеко от главного острова республики – Мале – и всех туристских маршрутов. В столицу мы доставили лишь некоторые образчики того, что таили в своих недрах джунгли. Сначала привезли их в маленький столичный музей мусульманских реликвий, но президент пожелал лично ознакомиться с ними в своем дворце. Он принял нас очень любезно, с достоинством воспринял появление грязных мешков, когда же узрел их содержимое, просиял, словно мальчуган при виде подарков Деда Мороза. Медленно поднявшись с кресла, он гордо произнес:

– Конечно, наша республика молода. Но теперь мы получили доказательства, что и у нас, как у наших соседей на материке, есть древняя история!

Камни остались лежать на красном ковре, когда мы покинули дворец. Солдаты должны были отнести их обратно в единственный на Мальдивах музей, где этим реликвиям предстояло на время укрыться в каком-нибудь закутке, ибо они никак не совмещались с экспонатами, представляющими искусство и историю мусульман. Я же унес с собой из дворца выполненную из слоновой кости великолепную модель мальдивской парусной дхони и личное приглашение президента организовать первые археологические раскопки в государстве на архипелаге, насчитывающем около 1200 островов.

Приняв освежающий душ, я прилег на кровать в номере маленькой гостиницы неподалеку от дворца. Впрочем, на крохотном островке Мале все находится рядом.

Я было запустил вентилятор под потолком, но тут же выключил его: шум мешал думать. А думать было необходимо, хотя голова совсем не хотела работать в этом благодатном тропическом климате. Солнце, море, белый песок и кокосовые пальмы за окном манили предаться сладостному отдыху, не заботясь ни о чем, кроме радостей жизни. Тем не менее я призвал к порядку свой разгоряченный мозг, чтобы осмыслить в целом достаточно ясную ситуацию. Еще какой-нибудь месяц назад у меня было самое смутное представление о Мальдивах. На прошлой неделе я впервые прибыл в эту страну и провел сутки в той же самой гостинице, после чего мы с Бьёрном Бюэ отправились на южные атоллы. Теперь вот снова вернулись в Мале, и, пока из дворца в музей несут пять тяжелых камней в грязных мешках, а еще одиннадцать образцов находятся в пути на главный остров, я, лежа на знакомой кровати, размышляю над неожиданным предложением президента республики попытаться восстановить забытое прошлое его страны.

Есть отчего прийти в замешательство.

Вот именно, ведь я практически ничего не знаю об этой стране. Меня привела сюда чистая случайность, и я просто не успел подготовиться. Уж, наверное, прибывающие в аэропорт по соседству с Мале обычные туристы, вооруженные путеводителями на своем родном языке, подготовлены лучше, чем я. До прошлой недели эти острова были для меня лишь точками на карте океана с такими странными названиями, что я и читал-то их не без труда. Я не знал местного языка – дивехи. Мне ничего не говорили необычные знаки здешней письменности. Больше всего они напоминали мне мелко нарезанные полоски спагетти. Мальдивцы называют эти знаки *габули тана* или *тана акуру* и пишут их справа налево.

Так мне ли братья за осмысленный поиск неизвестных этим людям сведений об их собственных предках?

И где искать, на каком из 1200 островов?

По совести, это задача для человека, лучше меня знающего здешние обстоятельства.

Но в то же время до чего увлекательная задача... Эта страна среди океана – член Организации Объединенных Наций, а между тем никто не знает, как она возникла. Еще ни один археолог не исследовал эти острова – слишком удалены они от всех материков.

Правда, у меня было одно преимущество. Я кое-что знал о древнем мореходстве. Нам потому и удалось найти эти камни. Я сознательно искал там, где, скорее всего, могли пристать первобытные суда. Слишком долго господствовало воззрение, будто мореплаватели доевропейских цивилизаций предпочитали держаться берега континентов, потому что боялись заблудиться в открытом море. И потому что суда их не годились для серьезных плаваний. Однако за последние годы я испытал со своими друзьями разные типы древних судов и пересек на них три океана. Во время последнего эксперимента, пройдя на камышовой ладье «Тигрис» от бывшей Месопотамии к долине Инда, мы вполне могли продолжить плавание на юг вдоль берегов Индии и дойти до Мальдивов. Вместо этого мы предпочли идти через Индийский океан в Африку. Именно этот эксперимент побудил мальдивцев назвать меня теперь в их страну. Они не верили, что доевропейские мореходы плавали только вдоль берегов. Они знали, что их собственные предки пересекли океанские просторы в доевропейскую эпоху. Не знали только откуда.

Кроме того, мальдивцам было известно, что следом за первопоселенцами на острова прибыли арабские мореплаватели – и тоже за много веков до того, как вышел в океан Колумб. Документированная история Мальдивов берет свое начало в XII веке н. э., она запечатлена знаками их письма на медных листах старинных книг, из коих явствует, что ислам был введен здесь в 1153 году арабскими мореходами. И вот теперь мы обнаружили в мальдивских лесах камни с резными узорами – памятники народа, который приплыл на здешние острова до арабов и поклонялся не Аллаху, а солнцу.

Президент был прав. Мальдивская Республика молода – последний самодержавный султан уступил место демократическому правительству в 1968 году. Однако эти скромные островитяне, опираясь на письменные источники, могли кое-чему научить мир на примере восьми с лишним веков своей мирной истории. Все, что было до того, оставалось девственной почвой, ожидающей исследователя.

Если я возьмусь за исследование, придется начинать с азов. Прежде всего ознакомиться с тем, что уже известно другим. При этом у меня есть определенное преимущество – здравая гипотеза, указавшая мне прямой путь к камням, которые мальдивцы сейчас несли в свой музей. Разумеется, в пестром потоке посещающих Мальдивы туристов были и ученые. Туристы приезжали в роли этаких современных солнцепоклонников. Ученые изучали жизнь местного населения и сообщали о своих наблюдениях. Но среди них не было ни одного профессионального археолога. Я быстро выяснил, что в недалеком прошлом несколько энтузиастов поработали киркой и лопатой, однако их почин не был развит представителями современной науки.

Гул реактивного самолета привлек меня к окну. Исполин XX века приземлялся на узкой летной полосе, которую приверженцы ислама недавно пристроили к соседнему с Мале островку. Немецкие, итальянские и шведские туристы спускались по трапу, направляясь в маленькое здание аэропорта. Пока что другие нации вроде бы не открыли для себя этот лучезарный рай. И вряд ли кто-либо из прибывших гостей появится на Мале или на каком-нибудь другом острове, населенном мальдивцами. Поставщикам валюты власти отвели солнечные пляжи соседних атоллов, где сохранились необитаемые острова.

Похоже, что солнце издревле привлекало людей на Мальдивский архипелаг. Даже в доисторические времена. Нашли же мы развалины солнечного храма, причем на нужный остров нас привело само солнце. Да-да, само светило указало нам кратчайший путь к солнечному храму. Хотя вообще-то не оно, а письмо со штемпелем авиапочты привело меня на Мальдивы. Чуть больше месяца назад, когда Мальдивские острова были для меня всего лишь точками на карте, я обнаружил в своем почтовом ящике плотный конверт с экзотическими марками Шри-Ланки.

С этого все и началось.

В конверте лежала большая фотография. Я полагал, что увижу красочные снимки шриланкийских пляжей и пальм, но меня ждал сюрприз. На черно-белой фотографии – торчащие из земли голова и плечи крупной каменной скульптуры. Голова была искусно изваяна и хорошо сохранилась. Приветливое, чуть улыбающееся лицо, и одна особенность, которая тотчас привлекла мое внимание, – уши. Мочки ушей свисали до складок плаща на плечах изваяния. И хотя скульптура изображала мужчину, курчавые волосы, похоже, были собраны в пучок на макушке.

Каменное изваяние мужчины с удлиненными ушами и пучком волос.

Меня охватило волнение. Что это, как не повторение загадки острова Пасхи, которая много лет не давала мне покоя! На Пасхе вот так же стоят сотни огромных каменных бюстов, изображающих мужчин с висящими до плеч мочками ушей и с пучком волос на макушке. Конечно, тамошние изображения достаточно условны. Изваяние на фотографии выглядело более реалистично. И все же, если снимок сделан не слишком далеко от Пасхи, если расстояние допускает связи по морю, можно предположить некое родство древних скульпторов, изваявших эти бюсты.

Горя нетерпением узнать, где снята фотография, я развернул приложенное к ней письмо. Оно и впрямь было отправлено с Шри-Ланки, но снимок сделан на одном из атоллов Мальдивского архипелага.

Какие уж тут связи! Мальдивские острова находятся по ту сторону планеты, от Пасхи их отделяет половина окружности земного шара.

Вспомнив, как мы на «Тигресе» обсуждали, не пойти ли нам от устья Инда через океан на юг, к Мальдивским островам, я снял с полки глобус и отыскал Мальдивы.

Ну да, как я и думал. Остров Пасхи и Мальдивский архипелаг – антиподы. Их разделяют 180 градусов долготы, как раз половина земной окружности. Зато от Мальдивов до долины Инда ближе, чем от Пасхи до Перу. Древние ваятели могли принести на Мальдивы обычай удлинять мочки ушей из континентальной Азии, где он существовал в приморье со времен Индской цивилизации. Пасхальцы заимствовали его из Перу, там этот обычай был распространен среди инков.

Никакой связи. Уложу-ка я лучше чемодан: завтра мне лететь через Америку в Японию.

Однако мысль о длинноухой статуе не давала покоя. Я снова взял фотографию и внимательно перечитал письмо. Оно было подписано незнакомым мне человеком: Бьёрн Руар Бюэ, директор Международного фонда «Уорлдвью», с главным правлением в Коломбо, столице Шри-Ланки. Когда я учился в школе, Шри-Ланка именовалась Цейлоном. Фонд «Уорлдвью» был мне известен: я сам записался в его члены, поскольку деятельность фонда направлена на лучшее взаимопонимание между экономически развитыми и развивающимися странами. «Уорлдвью» обучал студентов из так называемого третьего мира съемке видеофильмов для показа в индустриальных странах. У обеих сторон есть чем поделиться друг с другом. Некогда связи при помощи древних судов способствовали развитию первых цивилизаций. Мы и теперь можем многому поучиться у простых общин, пока не вытеснили их совсем.

Из письма следовало, что Бьёрн Бюэ только что побывал на Мальдивах, чтобы учредить там местный филиал своего фонда. Снимок ему показал один чиновник, когда увидел, что я значусь в списке членов «Уорлдвью». Мальдивцы внимательно следили за плаванием «Тигреса», надеясь, что камышовая ладья придет на их архипелаг. Недавно житель одного маленького атолла обнаружил это каменное изваяние, и упомянутый выше чиновник подумал, что не мешает послать мне фотографию может быть, она склонит меня приехать и поискать ответ на загадку, которая кроется за этим свидетельством древнего мореплавания.

Я вернулся к снимку. Похоже на изображение Будды. У Будды как раз Пыли такие удлиненные мочки. Именно он и его последователи широко распространили этот обычай в странах Азии.

Будда родился в VI веке до н. э. Но не он положил начало упомянутому обычаю. В некоторых областях Индии задолго до его рождения у знати было заведено растягивать мочки ушей. Будда – эпитет действительно жившего человека, индийского принца Сиддхартхи Гаутамы. Он принадлежал к аристократическому роду, в котором свято блюли давнюю традицию продырявливать мочки и удлинять их тяжелыми затычками. И традиция эта старше самой индийской аристократии: множество больших затычек вроде тех, какими пользовались знатные инки и «длинноухие» острова Пасхи, недавно раскопано в Лотхале – портовом городе древней цивилизации долины Инда.

Считать ли чистым совпадением, что далекие острова в океане, вроде Мальдивов и Пасхи, были открыты и заселены мореплавателями, чьи боги и представители знати украшали мочки ушей широкими дисками? Может быть, это и впрямь совпадение. А может быть, и нет, ведь речь идет о мигрирующих группах весьма искусных мореходов, о чем свидетельствуют их океанские плавания.

Во всяком случае, независимо от того, кого изображала статуя на снимке – Будду или кого-нибудь из его длинноухих предшественников, – было ясно, что этот бюст изваян до того, как с утверждением ислама на Мальдивах был введен строжайший запрет на любые изображения человека. К тому же на фотографии статуя почти до плеч уходит в грунт – остается только гадать, что еще могут показать раскопки?..

Я продолжал восстанавливать в памяти ход событий. Минула всею неделя, как я впервые прибыл на Мальдивы. И каких-нибудь пять недель с тех пор, как получил загадочный снимок. В тот момент я собирался в дорогу, на руках у меня был авиабилет до Японии. Где уж тут заниматься подготовкой к визиту на Мальдивы. Я попросил одного из своих друзей ответить за меня директору «Уорлдвью». Сообщить, что я готов сразу после конгресса в Японии лететь на Мальдивы через Бангкок, если там меня встретят и объяснят, как действовать дальше.

Не могу сказать, чтобы я чувствовал себя очень уверенно, когда, прилетев наконец в Бангкок, прошел через таможню и паспортный контроль. Все это время я не получал больше никаких известий с Мальдивов. Однако в зале аэропорта я увидел кинооператора, с которым относительно недавно встречался в Осло. Пожимая мне руку, Найл Холлэндер, коротыш с пышной бородой и большими очками, заверил меня, что с поездкой на Мальдивы все улажено. Он сам направлялся туда, чтобы отснять характерные для Мальдивов лодки дхони. Высокий изогнутый нос этих лодок заканчивался подобием веера, как у папирусных ладей Древнего Египта. Вообще Найл задумал снять в Азии документальный фильм о последних в мире людях, чья жизнь всецело связана с парусными судами, и теперь он вызвался сопроводить меня на Мальдивы. На другой день мы вместе вылетели в Шри-Ланку.

В столице Шри-Ланки, Коломбо, нас встретил другой бородач. С ним я не был знаком. Высокий, широкоплечий, голубоглазый, он провел нас через все аэропортовские препоны, сочетая нахрап викинга с кроткой улыбкой миссионера. Норвежец Бьёрн Руар Бюэ явно чувствовал себя как дома в тропических широтах и сумбуре аэропорта. Прибыв в Шри-Ланку из Норвегии как представитель протестантской миссии, он благодаря знанию местного языка и обычаев в конце концов перешел в «Уорлдвью» и возглавил управление фонда. В число его обязанностей входило руководство всем, что касалось киносъемок.

Бьёрн весело рассмеялся, когда я поблагодарил его за фотографию, которая заманила меня в этот уголок земного шара. Из аэропорта через шумный тропический город Коломбо он повез меня к себе домой. Найл взял курс на маленькую гостиницу, где ему предстояло соединиться с двумя другими участниками киноэкспедиции на Мальдивы.

Дома у Бьёрна и Греты Бюэ я услышал первые лекции о Мальдивах. Но сперва мы совершили вылазку в город за картой. В невзрачном магазинчике, поместившемся в старой развалюхе, мы нашли последнюю во всем Коломбо навигационную карту Мальдивов и, тор-

жествуя, вернулись с этим сокровищем в бунгало Бьёрна, где уже собралась куча желающих познакомиться со мной. Работа в «Уорлдвью» обеспечила Бьёрна Бюэ обширнейшими знакомствами в местных кругах. Представляя мне одного из гостей, Бьёрн пояснил, что он располагает важной информацией. Звали гостя Роланд Сильва; высокий джентльмен с аристократической внешностью, он возглавлял на Шри-Ланке археологическую службу, побывал и на Мальдивах. В прошлом архитектор, Сильва со временем увлекся археологией и теперь руководил программой ЮНЕСКО по раскопкам и реставрации трех наиболее важных исторических объектов Шри-Ланки – огромных буддийских храмов в так называемом археологическом треугольнике.

Я рассказал, что собираюсь выкопать каменное изваяние на Мальдивах. Услышанное в ответ потрясло меня.

Боюсь, эта статуя уже выкопана и разбита, – сказал Роланд Сильва. – Жители Мальдивов – фанатичные мусульмане, они не терпят ничего, что запрещено Кораном. Не признают собственной истории своего народа до введения ислама.

Я узнал от него, что шри-ланкийские археологи давно мечтают провести раскопки на Мальдивах, но кто же даст им, буддистам, разрешение. Мальдивские власти решат, что их интересуют буддийские памятники. О мальдивцах как о народе Роланд Сильва мог сказать только хорошее, но во всем, что касается религии, они упрямы и несговорчивы.

Я раскрыл купленную нами карту Мальдивов. Сильва согласился, что архипелаг лежит как раз на пути мореплавателей, желавших обогнуть южную оконечность Азии. Пролив шириной 40 миль, отделяющий Индию от Цейлона, то бишь Шри-Ланки, опасен из-за обилия рифов и отмелей. Огибая Индийский субконтинент, парусные суда должны были спускаться на юг достаточно далеко, чтобы миновать также Шри-Ланку, а тогда им неизбежно следовало искать проход в длинной цепочке Мальдивских островов. На обычной карте цепочка эта выглядит как россыпь безобидных зернышек; подробная навигационная карта рисует совсем другую картину. Моим глазам предстала весьма коварная преграда. Никакой адмирал не смог бы выбрать лучшей позиции для минного поля, чтобы перекрыть морские пути южнее этой оконечности Азии. На 600 миль с севера на юг из пучин Индийского океана вздымается вверх острый горный хребет. На поверхности моря он увенчан коралловыми рифами, песчаными отмелями и двумя рядами атоллов. Этот двойной барьер сулит большие неприятности мореплавателям. Острова так незначительно выступают над водой, что, не будь кокосовых пальм, они оставались бы невидимыми до той минуты, когда судно окажется во власти прилива. И только в южной оконечности длинной коралловой баррикады открываются два пролива, допускающие безопасное сообщение между западным и восточным побережьем полуострова Индостан. Чем больше смотрел я на эту карту, тем сильнее манили меня острова, занимающие столь важное положение. Независимо от того, уцелела статуя или нет, хотелось своими глазами увидеть, что на них скрывается. Понимая это, Роланд Сильва дал мне почитать очень ценную давнюю публикацию о Мальдивах. И так как другого экземпляра в Коломбо не оказалось, он разрешил мне снять фотокопию. На Мальдивах, подчеркнул он, я вряд ли найду этот материал.

Составил публикацию бывший британский комиссар на Цейлоне Г. С. П. Белл. Первый раз он попал на Мальдивы в 1879 году в результате кораблекрушения. Из предисловия явствует, что Белл затем дважды побывал на архипелаге, выполняя поручение цейлонского правительства «исследовать существование в прошлом буддизма на этих островах». При таком задании ему приходилось действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не задеть религиозные чувства мусульман. Белл раскопал несколько курганов, которые определил как остатки разрушенных дагаб¹ или ступ², напоминающих буддийские храмы Цейлона.

¹ Дагаба – мемориальное буддийское сооружение (в Шри-Ланке), подобное индийской ступе. – *Здесь и далее примеч.*

Словом, на Мальдивах, несомненно, было что искать. Понятно, методы раскопок Белла оставляли желать лучшего. За пределами Шри-Ланки мало кто читал его отчеты, и почин не был подхвачен профессиональными археологами. Тем не менее записи услышанного от островитян и собственные наблюдения Белла могли стать великим подспорьем для всякого, кто, подобно нам, надеялся организовать исследования на Мальдивах.

И еще один интересный труд привлек мое внимание – только что вышедшая из печати книга Кларенса Мэлони «Народ Мальдивских островов». Правда, в ней речь шла не о прошлом архипелага, а о современных мальдивцах. Но доктор Мэлони, сотрудник Пенсильванского университета, был профессиональный антрополог, специалист по народам Южной Азии. Это позволило ему высказать примечательные суждения о происхождении мальдивского языка дивехи. В некоторых словах дивехи он усматривает родство с санскритом и иными древними языками Северной Индии; другие связывает с языками Южной Индии и Шри-Ланки.

Хотя Мэлони, естественно, не мог знать об открытии длинноухого изваяния, его тем не менее заинтриговало большое разнообразие физического типа людей, живущих бок о бок на океанских островах, а также комплексное происхождение их языка. Наблюдения над современными мальдивцами навели его на такое заключение: «... следует быть готовым к тому, что история мальдивской культуры окажется более сложной, чем принято думать». Мэлони допускал, что в доисторические времена на эти далекие острова могли прибыть представители разных народов.

Сказано яснее ясного. И если можно сделать такой вывод, даже не копнув землю, уж, наверно, есть смысл провести на Мальдивах археологические раскопки. Правда, Мэлони смотрел на это менее оптимистически, чем Белл: «Археологические исследования древней истории этих островов не производились, да это вообще затруднительно, учитывая состав грунта – коралловый песок – и высокий уровень грунтовых вод».

И, похвально отзываясь о современных мальдивцах, он все же делал оговорку: «Полевые антропологические исследования на Мальдивах сопряжены с утомительными переездами, а также с трудностями в получении доступа на многочисленные мелкие островки, чье население по традиции недоброжелательно относится к иноземцам, и в налаживании контакта с чрезвычайно консервативным обществом, приверженным строгим исламским идеалам».

Эти слова, как и новость, которую сообщил мне Роланд Сильва, не очень-то обнадеживали. Но теперь ничто не могло меня остановить. И вообще, если бы мальдивцы не желали, чтобы я приехал производить раскопки, почему же они попросили Бьёрна переслать мне фотографию длинноухого изваяния?

Три дня спустя мы увидели Мальдивы с воздуха, и точки на карте, как говорится, ожили. Из иллюминатора они смотрелись, точно разложенные на синем бархате нефритовые ожерелья и изумрудные броши. Безбрежный Индийский океан под нами отливал особой синью, присущей морской пучине, когда она отражает безоблачное тропическое небо. Солнце стояло у нас прямо над головой, и острова лучились яркой зеленью сплошного полога пальмовых крон. Каждый островок был драгоценным камнем в оправе из золотистого пляжного песка, и широкое кольцо бутыльно-зеленой воды обрамляло цепочку коралловых рифов, исполинским грибом вздымающуюся из бездонной синевы. Уже теперь одно

ред.

² Ступа (санскр., буквально – куча земли, камней) – буддийское символическое и мемориальное сооружение, хранящее реликвии. С первых веков до н. э. известны полусферические, позже башнеобразные ступы.

было совершенно очевидно: Мальдивский архипелаг – подлинное украшение лика нашей планеты.

Рокочущий воздушный лайнер был битком набит организованными группами бледнолицых европейцев, которые толкались у иллюминаторов, чтобы хоть одним глазком взглянуть на несравненную картину великолепия природы. Да и я уже не был одинок в своем путешествии. Кроме Найла и его товарищей-кинооператоров, со мной летели Бьёрн и два шри-ланкийских студента, приглашенных им в расчете на то, что они найдут сюжеты для учебных съемок.

Вот скользнул назад под нами первый остров; приближаясь, вырос второй. Показалась узкая посадочная полоса в обрамлении морской воды. Рядом, на краю той же тихой лагуны, весь в зеленых садах – остров Мале с одноименным городом. Легкий толчок возвестил, что мы приземлились в Мальдивской Республике, древней обители народа неизвестного происхождения, а в наши дни – развивающейся стране с населением около 160 тысяч правоверных мусульман.

Мы явились гостями на земли древнейшей цивилизации, со своей собственной письменностью. Ныне эти острова составляют территорию неприсоединившегося государства с демократическим правительством, которое приобщает мальдивцев к реальностям реактивного века. Пожалуй, это единственная в мире страна с таким обилием разрозненных клочков земли, что подсчеты никогда не сходятся и до сих пор нет единого мнения, сколько же в архипелаге островов. На английской навигационной карте показано около 1100; недавний подсчет, проведенный властями, дал цифру 1196; туристский путеводитель утверждает, что их 1983. Да и как тут угадаешь, если какие-то островки возникают на месте подводных рифов, а другие тем временем исчезают, разрушенные океанскими валами. Самые высокие поднимаются на неполных два метра над уровнем моря, их свободно захлестывали бы волны, не будь образуемых рифами естественных барьеров. Постоянное население есть лишь на 202 островах; еще кое-где сохранились следы прежнего обитания. И на одном из несметного множества клочков суши была найдена статуя, ради которой я прилетел на Мальдивы.

Никогда еще не доводилось мне путешествовать в обществе такого количества кинооператоров. Тут и Найл в сопровождении Харальда из ФРГ и Джона из Канады, тут и Бьёрн со своими шри-ланкийскими подопечными Палитхой и Салией, а в аэропорту нас встречал бывший ученик Бьёрна, мальдивец Абдул, – он взялся помочь нам пройти через таможню. Абдул работал на мальдивском телевидении, передачи которого можно смотреть только в Мале. Правда, в столице живет около трети всего населения республики, и теснота здесь такая, что приходится отвоевывать новые площади у океана, сваливая в него твердые отбросы.

Катер быстро доставил нашу восьмерку из аэропорта в столицу, где отряд Найла сразу затерялся в скопище снующих навстречу друг другу дхони. Тех самых суденышек, которые интересовали Найла. Вдоль берега бок о бок выстроились полчища дхони, многие с мачтами и парусами и все – с знаменитым, изогнутым кверху носом, так что их можно было принять за деревянные копии изящных папирусных ладей фараонов.

Туристы исчезли. Прямо из аэропорта быстроходные катера и дхони с кабинами увезли их на выделенные для иностранных гостей островки. Днем туристы могут приезжать в Мале для посещения магазинов, но после 22 часов столица для них закрыта. Еще в самолете каждый пассажир получил памятку с перечнем, из коего следовало, что в Мальдивскую Республику запрещено ввозить собак, спиртное и фотографии обнаженных красоток. Но на отведенных иностранцам островах запреты ислама на туристов не распространялись.

Абдул сообщил, что для нас забронированы номера в правительственной гостинице «Сосунге» в Мале. Атак как номеров в этой гостинице совсем немного, фактически она вся

была в нашем распоряжении. Отправив багаж вперед на такси, Абдул повел меня и Бьёрна вдоль оживленной набережной на встречу со своим начальником, Хасаном Манику, возглавляющим мальдивское телевидение и министерство информации; это по его просьбе Бьёрн прислал мне снимок длинноухой статуи.

В просторной приемной министра царила атмосфера, не сулившая нам ничего хорошего. Никто не встретил нас. Сидевшие за столами девушки либо что-то печатали на машинке, либо читали детективы. Сам шеф восседал за стеклянной стеной, отвечая на телефонные звонки и делая какие-то записи. Он был так занят, что ему было не до посетителей. Мы посылали ему записки и делали учтивые знаки, однако что-то явно не ладилось. В конце концов я сдался и пошел в гостиницу. Вскоре раздался телефонный звонок: директор мальдивского телевидения желает немедленно принять нас.

На этот раз мы проникли за стеклянную стену, и оказалось, что Хасан Манику – очень славный человек. Невысокий на европейскую мерку, зато плечистый, с круглым лицом, какое обычно (но не в этом случае) выдает любителя поесть. Официальная маска быстро исчезла с его лица, и оказалось, что под ней скрывается весьма приветливый, а главное, прекрасно осведомленный руководитель. Правда, когда дошло до сути, нас ожидал холодный душ. Статуя? Каменное изваяние с длинными ушами?

– Эта статуя уже выкопана, – твердо произнес Манику. – Она была в виде бюста.

– Выкопана? – повторил я, – Каким-нибудь археологом?

– Местными жителями, – последовал невозмутимый ответ. Они разбили бюст на мелкие куски.

Невероятно. Предположение Роланда Сильвы оправдалось.

– Религиозные фанатики. – Манику пожал плечами, – Голову нам удалось спасти. Вы можете ее увидеть, она хранится в музее в парке Султана.

– Но мне хотелось бы посетить остров, где ее нашли, – огорченно заявил я. Может быть, там найдется еще что-нибудь, если покопать в том же месте.

– Нет, там вы больше ничего не найдете.

– Хорошо бы все-таки посмотреть. Я проделал такой длинный путь.

Бесполезно. Манику снова надел строгую маску. На этом острове больше нечего смотреть. Все выкопано и разбито. Даже остатки какого-то древнего храма сровняли с землей. Ничего нет. Манику так упорно отвергал саму идею посетить этот остров на катере, что я понял: продолжать дискуссию бесполезно. Либо там и впрямь больше нечего смотреть, либо они по какой-то причине не хотят нас туда пускать.

Посмотрю хоть голову в музее... Манику взял телефонную трубку и отдал соответствующее распоряжение.

Когда Мальдивы стали республикой, дворец султана был разрушен, однако в парке остался летний дом, в котором поместили национальный музей. По бокам крыльца лежали две-три ржавые пушки и старая немецкая торпеда; отряд престарелых пенсионеров исполнял обязанности сторожей, кассиров и билетеров. Манику распорядился, чтобы нам дали осмотреть и сфотографировать каменную голову, и четыре старца проковыляли вниз по ступенькам на парковый газон, неся на куске мешковины белую как мел тяжелую скульптуру. Напрашивалось сравнение с выглядывающим из гамака призраком... И хотя лица носильщиков выражали крайнее отвращение к языческому изделю, они бережно опустили огромную голову на газон.

Освещенный жаркими лучами солнца, призрак смотрел на нас широко открытыми глазами, слегка улыбаясь. При всей своей величине реалистичная, как посмертная маска, великолепно исполненная голова Будды. С туловищем и конечностями искусно вырезанное из белого островного известняка изваяние, наверно, было много выше человеческого роста.

Лицо – то самое, выразительное, с кроткой улыбкой на сжатых губах, которое я узнал по фотографии. Глаза первоначально были покрашены, придавая живость приветливому лику. Волосы обозначены мелкими кудрями и собраны в узел на макушке. Спускавшиеся до плеч мочки ушей внизу повреждены, но все равно неестественно длинные. Похоже было, что кто-то давным-давно пытался замазать все лицо и глаза скульптуры тонким слоем известки, чтобы ослепить ее. Возможно, это сделали сами буддисты, когда с введением новой религии восемь веков назад их вынудили отречься от своего божества. После 531 года по мусульманскому календарю, или 1153 года нашего летосчисления, ни один мальдивец не стал бы приходить с жертвоприношением в виде цветов к этому улыбающемуся великану.

Но самый большой сюрприз ожидал нас за одной из дверей внутри маленького музейного здания. В двух комнатках на первом этаже были выставлены троны, кровати и прочее имущество бывших султанов. В зале и на втором этаже – продолжение экспозиции: оружие, музыкальные инструменты, гобелены, великолепные образцы старинных мальдивских лакированных изделий. Все это перемежалось антиквариатом вроде слоновых бивней, оленьих рогов, разных вещей, выброшенных волнами на берег. Был даже камень с изображением флага – сувенир в память о полете «Аполлона-14» на Луну.

Изрядно ошалев от пестрых впечатлений, мы спустились по крутой лестнице обратно и тут сделали подлинное открытие. Принеся обратно большую голову Будды, сторожа открыли дверь чулана, из полумрака которого на нас воззрилось диковинное собрание жутких демонов и причудливых фигур из дерева и камня. Возвращенная на свое место голова Будды казалась улыбающимся белым ангелом в окружении страшилищ с высунутым языком и оскаленными клыками, призванными подчеркнуть свирепое выражение злобных глаз. Добро и Зло – воплощенные в камне разными ваятелями и лежащие бок о бок на каменном ложе султана.

Избавившись от тяжелой ноши, сторожа поспешили покинуть чулан. При этом они поглядывали на нас, как бы желая удостовериться: понимаем ли мы, что это не их боги, что они были бы рады вовсе от них избавиться. Кроме скульптур, в чулане лежали ржавые якорные цепи и другой металлолом, два разбитых камня с мусульманских могил, набор старых телефонных аппаратов и с десятков игрушечных моделей пушек.

Глядя на это нагромождение всякой всячины, я обратил внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, соседствующие с улыбающимся Буддой демоны изваяны древними скульпторами, которые не были ни мусульманами, ни буддистами. Во-вторых, эти художники тоже изобразили длинноухих с широкими дисками в растянутых ушных мочках.

В темном чулане невзрачного музея находилось неопровержимое свидетельство того, что на Мальдивах в ходе столетий сменились по меньшей мере три различные культуры, представленные ложем султана, Буддой и демонами. (Добавим и четвертую, если считать новейшую, представленную телефонами и пушками.) Помимо каменных изваяний, на ложе стояла довольно крупная, старинная деревянная скульптура, изображающая восточного вельможу в пышном одеянии. Однако она в счет не шла – эта вещь явно была найдена островитянами на берегу, куда, основательно потрепав, ее выбросили волны. А вот каменные головы, несомненно, были вытесаны на Мальдивах из местного известняка и служили объектами культа представителям двух разных немусульманских верований. Из чего следовало, что им больше восьмисот лет.

В ряду скульптур лежала еще одна голова Будды, величиной всего с яблоко. Гоже со следами излома на шее. И кончик носа отбит. При всем том – великолепное изделие искусного мастера. Та же спокойная улыбка, только губы чуть толще и отчетливее выражены завитки волос. И длинные, до плеч, петли мочек с большими отверстиями. Сам Будда не носил затычек или каких-либо украшений в мочках, они свободно свисали, удлиненные еще в детстве этого индийского принца. А вот у демонов с кошачьими клыками и высунутым

языком в отверстия мочек были вставлены широкие диски. Два самых крупных изображения этого демонического типа были выполнены не объемно, а высечены на стелах, как в искусстве майя, с гротескными ликами на каждой грани, кое-где даже друг над другом или на верхушке камня. В самом деле, обнаженные клыки, высунутый язык и диски в мочках придавали этим рельефам такое сходство с майяскими стелами или доинкскими статуями Южной Америки, какого не увидишь в изделиях, найденных на других островах Индийского океана. Поверх некоторых демонов были вытесаны криволинейные знаки какой-то диковинной письменности. Нам с Бьёрном показалось, что они напоминают письма мальдивских манускриптов, однако ни Абдул, ни музейные сторожа не брались их прочесть. А на одной стеле сохранились отчетливые следы красной краски.

Подле маленькой головы Будды лежала реалистично вырезанная каменная черепашка. На брюшной стороне панциря тщательно подогнанная крышка закрывала прямоугольную полость, очевидно, служившую хранилищем для каких-нибудь вотивных предметов.

Рядом с огромными каменными ликами сидели два лилипута – две бронзовые фигурки, достаточно маленькие, чтобы какой-нибудь вороватый любитель антиквариата, заглянув в этот закуток, мог незаметно сунуть их в карман.

Сторожа называли их «будду». Но на Мальдивах любое человеческое изображение называлось *будду*, будь то портрет Будды, дева Мария, персонаж из мультфильма или Черчилль.

Правда, одна из фигурок и впрямь изображала Будду. Типичный Будда, скрестив ноги, сидел в позе медитации, которую буддисты называют самадхи мудра и которая призвана олицетворять сострадание, любовь и красоту. Вторая фигурка, со следами эрозии, явно была намного старше. И изображала она не Будду – об этом говорили замысловатое одеяние и прическа, широкое ожерелье и множество браслетов на запястьях и лодыжках, а также цветочные узоры на плечах, груди и животе. Элегантная особа восседала го ли на подушке, то ли на пьедестале, поджав левую ногу и свесив правую. Индуистское божество – по всей вероятности, милосердный творец и верховный владыка Шива. Два соперника в сфере религии – Шива и Будда – мирно сидели бок о бок на мусульманском ложе.

Скульптуры не были снабжены ярлыками, и сторожа посоветовали нам обратиться к Хасану Манику. Судя по всему, он один мог что-то знать об этих экспонатах, и только ему вообще было дело до них.

Манику подтвердил, что все каменные и бронзовые скульптуры найдены на Мальдивах. Но отдельно от большого Будды. Бронзовые фигурки давным-давно выкопали на одном из южных атоллов. Изображения демонов обнаружены недавно здесь, в Мале. Обратил я внимание на три плоские каменные маски, у двух из них – усы и длинные уши?

Да, конечно. Они находились на каменном ложе вместе с другими образцами.

Гак вот, с легкой улыбкой объяснил Манику, одну из них нашли, когда рабочие прокладывали канализацию перед его собственным домом. Он вовремя ее увидел и спас от уничтожения.

А две большие стелы? – спросил я.

Их нашли во время строительства на крайней восточной оконечности острова Мале. Как раз там, где, по преданию, с моря являлся демон, который требовал, чтобы ему приводили юных девственниц.

Я вспомнил эту древнюю легенду, записанную, в частности, Беллом. Давным-давно каждый месяц остров посещал грозный джинн, или демон. Сойдя на берег восточного мыса Мале, где помещался языческий храм *будкхана*, он требовал дани в виде девственницы. На другой день островитяне находили жертву в храме мертвой. Эта напасть продолжалась, пока на Мальдивы не прибыл благочестивый бербер-мусульманин из Северной Африки. Решив положить конец безобразию, он вечером спрятался вместо девственницы в храме и всю ночь

громко читал Коран. Это заклинание оказалось таким сильным, что джинн больше не возвращался. Согласно некоторым старинным мальдивским рукописям, именно после этого мальдивцы приняли мусульманскую веру.

Мне хотелось посмотреть место на восточном мысу, где легенда помещала языческий храм и где были найдены две самые большие стелы с демоническими ликами. Однако Манику холодно воспринял мою просьбу и решительно заявил, что там теперь нечего смотреть. Одни лишь новые каменные стены и склады современного центра технического обслуживания. Но если мы пожелаем, можем увидеть человеческий череп, найденный вместе со стелами. Когда копали землю под фундамент, в ней оказалось множество истлевших человеческих костей. От этой находки сохранили только череп, лежавший наверху самой большой стелы, на которой высечено пять длинноухих ликов.

Мы возвратились в музей, и сторожа извлекли из картонной коробки череп короткоголовой формы. Сразу вспомнилась древняя легенда, и нас пробрала дрожь: по всем признакам череп принадлежал молодой женщине.

Вот так прошел мой первый день на Мальдивах, и, возвратясь в гостиницу, я опустился в глубокое кресло, чтобы разобраться в обилии новых неожиданных впечатлений. От длинноухой статуи, ради которой я приехал, осталась только голова, но зато мы обнаружили полный чулан других длинноухих ликов, памятников еще более древней цивилизации, чьи представители, очевидно, достигли Мальдивов до буддистов и мусульман.

Развернув на коленях навигационную карту, я решил посмотреть на заметно осложнившуюся мальдивскую загадку глазами мореплавателя. Пусть не говорят мне, что на этих островах больше нечего открывать, если мы в первый же день обнаружили столько интересного. Я никак не хотел уезжать, не поискав самолично памятники, которые могли быть не замечены другими.

Но где начинать поиск? По последним официальным данным, островов 1196, и между ними нет регулярного сообщения. Большую голову Будды доставили с острова Тодду, к западу от Мале; маленькую нашли на Куранду, далеко на севере; обе бронзовые фигурки – откуда-то с южных атоллов; каменные демоны откопаны на самом Мале. И если верить Манику, на всех этих островах больше нечего искать.

Однако, узнав, что я хотел бы посетить какие-нибудь другие острова, Манику великодушно вручил мне ксерокопию рукописи, подготовленной им для печати. Будущая брошюра содержала алфавитный перечень всех островов архипелага с короткими справками о наличии мечетей и о судах, которые разбивались на местном рифе. В нескольких случаях Манику добавил название возвышающегося на острове холма. Холмы – Манику, естественно, знал это – были рукотворные; сами по себе сооруженные коралловыми полипами известняковые атоллы – плоские, как теннисный корт. В некоторых из холмов люди успели покопаться – где Белл, где какой-нибудь кладоискатель. Но большинство оставались нетронутыми горами коралловых обломков. Вряд ли внутри них что-то кроется.

А вдруг?

С первого взгляда само обилие островов могло обескуражить всякого, кто задался бы вопросом, где начинать поиск. Карта была испещрена контурами и названиями островов и рифов. В перечне Манику названия были хоть расставлены по алфавиту. Я посмотрел на первую страницу: Аахураа, Аахураа, Аахураа, еще раз Аахураа. Четыре одноименных острова. Три из них образовались после шторма в 1955 году, четвертый разрушен эрозией. Другая страница. Шесть островов Вилигили и еще столько же Вилигили с добавкой суффикса. Нет уж, лучше вернуться к картам.

На них с наименованиями дело обстояло не легче. У каждого атолла два, а то и больше названий, причем на разных картах разные. Да еще нынешние власти, чтобы внести хоть

какую-то ясность, дали каждому атоллу свое имя. Эти новые, более короткие наименования звучат как знаки мальдивской письменности.

И только позиции островов читались однозначно.

– Искать надо здесь, – сказал я Бьёрну, ведя пальцем по линии экватора там, где она пересекала Мальдивский архипелаг.

Длинная гряда рифов и островов спускалась чуть ниже этой линии. И как раз на экваторе показан открытый в широтном направлении, свободный от рифов пролив с названием «проход Экваториальный». Я уже говорил об этом широком проливе – самом благоприятном пути для парусного судна, идущего в обход южной оконечности Азии. Кроме него, в Мальдивском барьере есть еще только один просвет, обеспечивающий свободное сообщение между западной и восточной частями Индийского океана, – так называемый пролив Полуторного градуса. Однако меня больше привлекал Экваториальный проход.

– Зачем забираться так далеко на юг? – поинтересовался Бьёрн.

Я назвал две причины. Для древних мореходов, которые ориентировались по солнцу и звездам, не составляло трудности выйти на экватор и следовать вдоль него. А еще эти мореплаватели поклонялись солнцу. Первой религией всех древнейших цивилизаций, чьи кормчие выходили в Индийский океан, было солнцепоклонничество. Основатели первых династий в Месопотамии, Египте и в долине Инда называли солнце своим прародителем. Следы этого верования можно видеть в индусских королевских генеалогиях; даже в именах Будды отразилось указание на происхождение от солнца. По своим исследованиям в Тихом океане я знал также, что полинезийские кормчие связывали с солнцем своего прародителя, бога Кане; великие мастера астронавигации, они называли экватор «золотой дорогой Кане, бога Солнца». Другие солнцепоклонники, инки, отметили в Эквадоре путь своего небесного предка монументом на экваторе.

Все эти древние народы верили, что в обитель бога Солнца и священных королей-героев можно было проникнуть через подземный ход, которым оно, пройдя днем на запад, ночью возвращалось на восток. Так что вполне естественно предположить: если в далекую пору солнцепоклонничества кормчие доходили до Мальдивов, Экваториальный проход был для них вдвойне важен – и как удобный путь, и как место особого религиозного значения. И окажись на экваторе среди океана кусок земной тверди, сам бог велел древнейшим мореплавателям соорудить на нем храм Солнца.

Терпеливо выслушав мои рассуждения, Бьёрн раздумчиво заметил, что у Экваториального прохода есть аэродром, единственный на Мальдивах, помимо столичного. Во время второй мировой войны британские ВМС соорудили взлетно-посадочную полосу на острове Ган, который был важной военной базой. База прекратила свое существование в 1976 году, но аэродром по-прежнему используется небольшими мальдивскими самолетами для перевозки туристов по круговому маршруту из Мале.

Совпадение?

Нисколько. История повторяется. Выбирая среди тысячи с лишним островов архипелага, британские стратеги остановились на атолле у Экваториального прохода, потому что здесь пролегает кратчайший путь для судов, огибающих Южную Азию. Дальше на север мальдивские рифы составляют лабиринт, не менее опасный, чем минное заграждение.

Найл зашел в мой номер вместе со своими двумя коллегами, чтобы узнать о наших планах. С самого утра, когда мы приземлились в Мале, они прилежно снимали дхони в порту.

– Мы уже завтра отправляемся в путь, – решительно заявил я. – Курсом на Экваториальный проход.

Три киношника просияли и заявили, что хотят лететь с нами, если мы не против. Им говорили, что на юге архипелага можно увидеть дхони с прямыми парусами, похожие на древнеегипетские. Здесь, на севере, давно перешли на современные, треугольные паруса.

По правде сказать, я сам удивился, узнав, что на другой день и впрямь есть рейс на остров Ган у Экваториального прохода. Шестнадцатиместный самолет, очень похожий на крылатый вагон, стоял наготове. Нам требовалось восемь мест – половина всего наличия. Без помощи Манику мы не попали бы на этот рейс; да и то пришлось оставить весь провиант и половину съемочной аппаратуры. К тому же наш отряд пополнился представителем местных властей Мухамедом Вахидом – ему было поручено следить, чтобы нам не чинили препятствий.

Шагая к самолету под огнем семи нацеленных на меня камер киношников, предвкушающих драматические открытия, я чувствовал себя таким Чарлзом Линдбергом перед историческим перелетом через Атлантику. Кто знает, возможно, последующие кадры запечатлеют открытие некой забытой цивилизации на островах у Экваториального прохода. Начало явно смахивало на инсценировку. Но ведь это было только начало.

Глава II Большой холм на Фуа-Мулаку

Кто такие редины?

Летя из Мале на юг над океаническим архипелагом, мы купались в солнечном сиянии, пронизывающем голубой простор над самолетом и под ним. Так и следовало быть, раз мы приближались к Золотой Дороге Солнечного Бога Кане. Однако над самым экватором мы с удивлением узрели внизу вереницу облаков³, точно след от реактивного лайнера. И так как кругом в голубой океанской глади отражалось чистое голубое небо, можно было подумать, что тропическое солнце, пройдя на своем пути с востока на запад над самой водой, вскипятило часть поверхности. Узкая лента облаков, несомненно, возникла потому, что в этой части моря, над которым поднимались испарения, была другая температура. По нашим расчетам, где-то под нами проходило быстрое Экваториальное течение, меняя курс с восточного на западный вместе с сезонными ветрами – муссонами – над Индийским океаном. Возможно, эта могучая морская река вызвала вертикальные движения воды, наталкиваясь на острова, а может быть, Экваториальное течение гонит относительно холодный поток через просвет в Мальдивском барьере. Кстати, и пилот тут объявил, что мы пролетаем над Экваториальным проходом.

Вслед за этим наш самолетик описал круг над атоллom Адду, крайней южной точкой Мальдивского архипелага. Последний клочок суши... Сверху мы видели широкое кольцо коралловых рифов и отмелей, на которое были нанизаны плоские песчаные острова с зеленой шапкой кокосовых пальм, словно затеявших хоровод вокруг тихой лагуны. Один из островов назывался Ган, и здесь мы совершили мягкую посадку на бывшем британском аэродроме. Черный асфальт оказал нам горячий прием, и, спасаясь от полуденных залпов экваториального светила, мы в поисках тени поспешили к навесу, под которым укрылись от пламенного гнева бывшего солнечного божества служащие аэропорта.

Усилиями людей на Гане не осталось никаких природных убежищ. Лес был вырублен, и с ним исчез лиственный навес, созданный самим солнцем для защиты и питания всякой тропической живности.

На этом некогда цветущем острове Белл в 1922 году обнаружил рукотворный холм высотой около 10 метров, «укрытый в густом кустарнике с частоколом деревьев».

На гладкой поверхности острова вокруг взлетно-посадочной полосы не было видно никакого холма и никаких зарослей, и мы обратились за советом к наиболее пожилому из стоявших под навесом островитян. Где можно увидеть *устубу* – большой холм, который Белл посчитал развалинами буддийской ступы? Нам указали рукой на асфальтовую дорожку. Во время второй мировой войны, когда на атолле Адду размещались британские военные, некоторые островитяне научились объясняться по-английски.

Устубу был вон там, в конце полосы, – сказал один из них, ухмыляясь.

Когда англичане решили разместить аэродром на Гане, старый холм оказался нежелательным препятствием. Его снесли бульдозерами, и обломки погребли под асфальтом. На идеально ровной взлетно-посадочной полосе не было видно ни одного бугорка.

Чем не трагикомедия? Мальдивцы своими силами расправились с прекрасным изваянием Будды, памятником их далекого прошлого. А здесь английские бульдозеры помогли

³ Полоса облаков на экваторе связана с явлением экваториальной дивергенции выносом более холодных вод на поверхность океана вдоль всего экватора. По современным представлениям, экваториальное течение в восточной части Индийского океана, по крайней мере до Мальдивов, – постоянное и всегда направлено на запад.

им стереть с лица земли огромное сооружение, в котором бывший британский верховный комиссар усмотрел руины доисторического храма.

Глядя, как я таращусь на уходящую к голубому горизонту пустую летную полосу, киношники рассмеялись. Если бы не раскаленный асфальт, они попросили бы меня выйти с ними на дорожку, чтобы снять, как я показываю на точку у моих ног, где находилось древнее сооружение. Право же, трагикомедия. Притом ставящая в неловкое положение как меня, прибывшего сюда в поисках доисторических памятников, так и тех, кто лишил последующие поколения возможности увидеть и, быть может, реконструировать примечательное древнее сооружение.

Кроме нашей восьмерки разочарованных чужеземцев, самолет доставил мальдивцев, которые сразу разошлись, встреченные родными и друзьями. Нам же оставалось только принять предложение расположиться в одном из бывших барачков ВВС. Мальдивцы превратили его в гостиницу для туристов, однако мы оказались единственными гостями. Свежая рыба под острым соусом в бывшей офицерской столовой вернула нам хорошее настроение. И поскольку гостиница была резервирована для иностранцев, нам подали пиво.

Захватив холодный напиток, мы сели в кресла на защищенной от солнца веранде нашего барака, чтобы поразмыслить. Я достал свою фотокопию публикации Бедла – может быть, мы что-то упустили? Из текста следовало, что, когда Белл приезжал сюда, густые заросли не позволили досконально исследовать огромный холм. Длину окружности у основания он определил в 87 ярдов⁴. Изначально все сооружение было одето тесаными коралловыми блоками, однако со временем облицовка исчезла. Белл сообщал, что холм не один век снабжал мусульманских обитателей атолла Адду готовым строительным материалом для мечетей и домов вождей. Так что сам он застал только массивный круглый холм: «От облицовки на этом оголенном реликте давно исчезнувшей на Мальдивах религии буквально не осталось камня на камне, по которым можно было бы судить о его первоначальном виде». И еще: «Всю добычу... после двух дней «обработки» холма составили две старинные бусины, вероятно выброшенные предшественниками нынешнего мусульманского населения, когда они грабили эту «анафемскую» святыню».

Из других островов атолла Адду лишь на северной оконечности Хитаду, который напрашивается на сравнение с пальцем, указывающим на Экваториальный проход, Белл нашел древние руины. Там ему попались остатки коралловых стен старинного укрепления неевропейского происхождения. Тем не менее старики на Гане посоветовали нам посетить Хитаду – дескать, там есть кое-что, помимо старой крепости.

И вот мы снова в пути, едем в тесном кузове аэродромного грузовика на Хитаду, уповая на то, что вдали от аэропорта, на другом конце атолла удастся найти какой-нибудь уцелевший памятник. Англичане засыпали мелководные просветы между островами вдоль западной дуги Адду, и по проложенной ими дороге мы проехали мимо селений и кокосовых рощ до самого Хитаду. У конца дороги мы застали несколько островитян, которые смотрели, как с дхони на берег доставляют серебристых тунцов. Один из зрителей заверил нас, что знает, где находятся важные древние развалины.

Ободренные таким заявлением, мы углубились в густые заросли; впереди шел наш босоногий проводник, за ним следовал я, возведенный моими спутниками в ранг этакого Шерлока Холмса. Как-никак я прибыл на Мальдивы разгадывать тайну, а остальные по своему почину присоединились ко мне, рассчитывая снять то, что я обнаружу. Группа Найла была вооружена обычной съемочной и звукозаписывающей аппаратурой, подопечные Бьёрна – видеокамерами, и, пока одни снимали нас со спины, другие забегали вперед или

⁴ 1 ярд равен 3 футам, или 0,9144 м.

забирались в кусты, чтобы снять, как мы приближаемся, проходим мимо и удаляемся туда, где (как мы надеялись) в чашобе нас ждут открытия.

Мне так никогда и не довелось увидеть отснятые метры пленки, запечатлевшие мое долгое шествие по стопам проводника, а заодно услышать, как мы пыхтели от жары и как хрустели под ногами сучья и коралловая крошка. Наконец мы вышли на какую-то прогалину, и проводник поднял руку: смотрите.

Смотрю: ничего не вижу.

– Ванна королевы! – гордо произнес проводник; тотчас перед лицом у меня и переводившего мне Абдула возникло по микрофону.

Я все еще ничего не видел. Островитянин шагнул вперед и показал на землю у своих ног. Маленькое углубление и лужица солоноватой воды, королеве разве что пальцы окунуть.

Видя, что я не в большом восторге, проводник объяснил:

– Раньше она была больше. Но стенки обрушились, когда люди забрали камни для своих домов.

Мы и тут опоздали.

Может он показать что-нибудь еще? Проводник ответил утвердительно. На острове есть очень древняя каменная башня, ее воздвигли предки островитян, когда впервые прибыли сюда.

Снова камеры нацелились на исчезающие в кустах две пары ног. Вскоре послышался рокот прибоя, который ворошил на берегу обломки коралла. Проводник сказал, что идти осталось совсем немного. И вот он снова показывает на землю у своих ног.

Под просушенной солнцем растительностью – короткий ряд тесаных коралловых плит. Озадаченный, я наклонился, чтобы потрогать камни, и камеры взяли на прицел мою руку.

– Какая же это старая постройка, – разочарованно молвил я.

– Не очень старая, – согласился проводник. – Один английский офицер построил здесь себе дом.

– Но вы ведь обещали показать древнюю башню, которую воздвигли ваши предки!

– Так и есть! – Мое нетерпение явно удивило его. – Когда-то была древняя башня. Вот, смотрите!

Он указал на источенную эрозией плиту, выступавшую из-под фундамента английского дома. В самом деле – блок, обтесанный много веков назад. Возможно, он и впрямь был частью древнего сооружения. Скажем, основания башни изрядной высоты. Вот только самой башни не было. Однако это ничуть не смущало нашего проводника. Могу ли я сомневаться в его словах, если он от своего деда слышал, что именно здесь стояла башня, построенная предками?

Обратно мы шли молча, и камеры не стрекотали. В одном месте я нагнулся, чтобы поднять какой-то вмятый ногами в землю предмет терракотового цвета, но тут же отбросил его, словно обжегся, обнаружив, что это кусок пластика, а чья-то камера уже нацелилась на мою руку.

Асфальт, пластик, жалкая лужа и дом английского офицера – жидковатый итог первого дня наших исследований вне музейных стен. Я спрашивал себя, что думают мои товарищи, – наверно, так же разочарованы, как и я. Во всяком случае, по ним этого не было видно. Вернувшись на дорогу, мы тепло попрощались с нашим приветливым проводником и, смеясь, забрались в кузов грузовика.

Итак, мы ничего не нашли. Однако то, что еще успели застать до нас другие, позволяло сделать определенный вывод. В древности на атолле Адду было два высоки? каменных сооружения. Может быть, домусульманские храмы, может быть, оборонительные посты – во всяком случае, их поместили так, чтобы они были видны с моря задолго до того,

как покажутся сами низкие острова. Одно сооружение, о котором помнили островитяне и руины которого, вероятно, видел Белл, стояло на мысу, подобно», пальцу, указывающему на Экваториальный проход. Другое, описанное Беллом как груда коралловых обломков высотой около 10 метров, помещалось в противоположном конце атолла, где волны Индийского океана омывают южную оконечность Мальдивского архипелага. С этих двух точек можно было обнаружить приближающегося с моря врага и помочь друзьям взять правильный курс. Самые подходящие места для современных маяков, если бы понадобилось ставить их на пути мореплавателей огибающих южную оконечность Азии. Башня на Хитаду могла служить ориентиром для тех, кто шел через Экваториальный проход; холм на Гане – для предпочитающих более долгий путь южнее атолла Адду, в обход всего Мальдивского архипелага.

Вечером мы услышали от молодого мальдивца, который обслуживал нас в столовой, что в том же атолле есть еще руины на другом острове, куда нельзя добраться посуху. Он обещал завтра найти для нас лодку.

Окрыленные новой надеждой, мы поднялись рано утром, и за пятьдесят минут быст-роходная моторная дхони доставила нас через всю лагуну на остров Миду, лежащий так же далеко к северо-востоку от Гана, как Хитаду к северо-западу. Миду и Хитаду отделены друг от друга длинной подводной секцией кольцевого рифа у входа в лагуну.

Здесь жители знали про руины и сразу проводили нас на место. Мы увидели мощные бетонные бункеры и заросшие траншеи – английские укрепления времен второй мировой войны, оборонявшие Экваториальный проход. Киношники даже не стали забирать с дхони свою аппаратуру. От их энтузиазма и чувства юмора мало что оста лось; они не сразу взбодрились даже после того, как я воспрянул духом, почувствовав что нам наконец-то немного повезло. Не такой уж эффектной была моя находка, но все же хоть какой-то ключ. От песчаного пляжа Миду в мелководную лагуну метров на 800 протянулся мол, к которому могли причаливать дхони с пассажирами и грузом. Что-то заставило меня присмотреться к бесформенным кускам коралла и белым известняковым блокам, образующим это сооружение. Мое внимание привлекли несколько камней, заметно отличающихся отделкой: гладко обтесанные, с желобками на одной грани, как будто они прежде составляли часть сложного архитектурного сооружения интересно... В начале мола у самого берега еще несколько тесаных глыб подпирали коралловую насыпь. Их уложили кое-как, не считаясь с рисунком орнамента.

– Эти камни взяты из какого-то храма, – объяснил я киношникам.

Они возразили, что такие изящные блоки не могли быть делом рук островитян, однако круглая войлочная шляпа, подаренная мне в тот день Бьёрном, явно заставила их опять вспомнить про Шерлока Холмса, и камеры операторов неотступно следили за моими руками, когда я указывал на беспорядочно торчащие из груды известняковых глыб горцы и грани блоков с декором. Не послужат ли эти необычные камни своего рода пальцевым отпечатком?

Абдул спросил островитян, откуда они взяты. Послали за самым старым жителем селения, которому перевалило за девяносто, и он провел нас к площадке между высокими деревьями, где, по его словам, некогда стояли две «древние мечети». Дескать, тесаные камни брали в развалинах этих строений.

Я попросил показать мне нынешнюю мечеть. Нас привели к скромной постройке из дикого камня, скрепленного раствором. Ни один мусульманин не стал бы разрушать две великолепные мечети, сложенные из орнаментированных плит, с карнизами и фризами, чтобы соорудить взамен такую невзрачную конструкцию, а оставшиеся блоки использовать для садовых оград и мола. И где бы английские военные взяли средства и время, чтобы в разгар войны строить бункеры и бараки из камня с изящным декором наподобие эллинских храмов. Словом, связывать заинтриговавшие меня плиты с заброшенными мечетями и бункерами было бы полной нелепостью. Оставался вопрос: почему правоверные мусульмане

разорили красивое культовое строение и обошлись с ним так неуважительно? Наконец-то нам встретились первые следы какой-то высокоразвитой цивилизации, чьи представители обосновались на этом экваториальном атолле задолго до того, как Мальдивами завладели мусульмане.

Вождь селения Миду разрешил взять с мола один блок с декором и увезти его на Ган, чтобы оттуда переслать в музей на Мале.

На атолле Адду нам явно больше нечего было делать, зато были все основания поближе взглянуть на некоторые другие острова в Экваториальном проходе, не испытывавшие на себе воздействия современной цивилизации. Особенно заманчиво выглядел лежащий в центре широкого пролива, лишенный кольцевого рифа одинокий остров Фуа-Мулаку.

Мы тщетно пытались найти дхони для этой вылазки, наконец Бьёрн и Абдул сумели договориться с владельцем и капитаном сравнительно крупного судна местной постройки. Пришлось согласиться не только оплатить каждый день фрахта, но и позволить капитану взять других пассажиров. По имени острова судно называлось «Миду»; его построили из вытесанных вручную досок, на которые пошли срубленные на атолле кокосовые пальмы. Высокий и широкий корпус придавал ему сходство с огромной ванной, накрытой палубой и покрашенной в зеленый цвет.

Когда рано утром следующего дня «Миду» пришел за нами на Ган, палуба уже была забита островитянами всех возрастов, так что судно напоминало Ноев ковчег с милых моему сердцу детских картинок. Правда, из животных на судне были только куры, зато потомки Ноя представлены по меньшей мере четырьмя поколениями. Команда и пассажиры благополучно сосуществовали, и юный араб усердно пек лепешки на очаге за штурвальным колесом. Наша восьмерка, зафрахтовавшая судно, втиснулась на борт и разместила свои камеры и прочее нехитрое имущество между узлами, сумками и грудями зеленых кокосовых орехов.

Хрупкие поручни, напоминающие садовую ограду, отделяли нас и наших попутчиков от океана, не давая свалиться за борт. Над палубой от кормы почти до самого носа был растянута брезент – очень кстати, заключили мы, поскольку ночью над бывшей базой ВВС бушевала гроза с проливным дождем и в небе кругом все еще чернели завесы, чреватые шквалами.

Над головами скопища людей на палубе покачивались три деревянные койки, если так можно назвать подобие дверей, подвешенных на привязанных к углам веревках. Они были зарезервированы для самого капитана, Бьёрна и меня. Наши неунывающие товарищи улеглись на палубе в окружении смешливых мальдивских красавиц с детьми, с мужьями и без оных.

Пассажир первого класса Бьёрн, покачиваясь на койке, вытащил потрепанную фотокопию публикации Белла и принялся читать вслух раздел, посвященный острову, к которому мы направлялись. Белл указывал, что Фуа-Мулаку – одинокий атолл, расположенный в Экваториальном проходе почти на самой линии экватора. Пребывая там в «блаженном одиночестве», продолжал Белл, он по праву слыл у мальдивцев самым красивым и наиболее очастливленным природой изо всех островов обширного архипелага.

«О полной изоляции Фуа-Мулаку говорит тот удивительный факт, что даже теперь, в XX столетии, он, по сути дела, остается неизвестным для европейцев. Факт почти невероятный, но тем не менее неоспоримый – единственные сведения об этом острове находим всего только в двух источниках: в середине XIV века о нем вскользь упоминает арабский путешественник Ибн Баттута; несколько больше написали два француза, братья Жан и Рауль Парментве, которые тоже ограничились коротким заходом на Фуа-Мулаку в первой половине XVI века...»

Миновав остров Миду, мы вышли из лагуны в открытый Экваториальный проход. Сила течения здесь чрезвычайно велика, в справочнике записано, что скорость его достигает 5,5

узла. Пассажиры нашего высокого корыта стало клонить в сон от бортовой качки, а некоторые женщины и малыши вынуждены были расстаться с недавно съеденным завтраком. Непривычный к морю Бьёрн утратил интерес к Беллу, и дальше я уже читал сам.

Из текста, следовало, что на Фуа-Мулаку нет ни гавани, ни лагуны, ни надежной якорной стоянки. Во всем Мальдивском архипелаге это единственный остров, не защищенный от волн барьерным рифом. Пляж из коралловой крошки, в которую нога погружается по щиколотку, круто уходит под воду навстречу подводному рифу. «В нескольких сотнях метров от рифа глубина никем не измерена, ибо дно обрывается в пучину. Подход к такому берегу в любое время неизбежно чреват риском; в иные сезоны он почти невозможен, во всяком случае, чрезвычайно опасен».

Мы поглядывали на окружающие нас черные тучи, однако капитан валкого корыта был совершенно невозмутим. По его команде юный кок разносил горячий чай и фунтики из зеленых листьев, содержащие бетель⁵ для жевания в смеси с известью.

На полпути к месту назначения кокосовые пальмы оставшегося позади нас острова Миду – крайнего форпоста атолла Адду – скрылись за горизонтом. И в эту минуту я увидел впереди черное пятнышко, которое сперва принял за судно. На самом деле это были деревья, и росли они на каком-то холме, заметно возвышаясь над кронами показавшихся вскоре пальм. Интересно! Мы явно приближались к совсем другому, редко посещаемому миру, и похоже, нам предстояло увидеть не совсем еще разрушенное древнее сооружение. Белл провел здесь всего несколько часов – приехал утром, уехал в полдень. И с сожалением записал, что ему не суждено было проникнуть в тайны «этого восхитительного самоцвета Мальдивских морей, никем по-настоящему не изученного. Быть может, когда-нибудь повезет другому, более счастливому страннику, нам же остается сказать: прощай, красавец-остров!»

Пришло время убирать публикацию Белла в непромокаемую сумку. Перед нами совсем близко зеленела стена кокосовых пальм. Слышен рокот прибоя, видно, как разбиваются о берег белопенные валы. И никаких пристаней... Не без волнения смотрели мы, как кучка людей, борясь с пенящимся прибоем на крутом коралловом пляже, спускает на воду маленькую дхони. Буйно подпрыгивая на волнах, суденышко подошло к «Миду», приняло конец и пришвартовалось у нашего борта, вслед за тем несколько смуглых островитян с лодки и с «Миду» прыгнули в воду. Они ныряли снова и снова, пока один из них не отыскал длинный трос, закрепленный на дне и позволяющий небольшому судну, вроде нашего, стоять на якоре при благоприятном ветре. Такой же трос был закреплен с другой стороны продолговатого острова, обеспечивая надежную стоянку, когда с переменной сезона менялось и направление ветра.

Группами по три-четыре человека мы спускались с нашим имуществом в пляшущую на волнах веселую лодку и на гребне прибоя шли к берегу, где протянутые руки островитян выдергивали нас на крутой откос, после чего лодка с двумя гребцами антилопьями прыжками скакала через гребни обратно за новой партией пассажиров.

Приключения начались в первый же день нашей высадки на Фуа-Мулаку. Наскоро осмотрев наиболее многообещающий объект, мы возвратились на берег, чтобы извлечь свои вещи из горы доставленного на берег багажа. Явился какой-то доброволец с ручной тележкой, и через чистенькое селение, где из-за каменных стен на нас глядели любопытные глаза, в сопровождении приветливых островитян мы проследовали почти до противоположного берега. Здесь нам отвели недавно построенный опрятный домик с белоснежными стенами из коралловой крошки и известняка. До нас в нем жили только короткохвостые гекконы,

⁵ Смесь бетель, используемая как жвачка, возбуждающая нервную систему, помимо пряных листьев перца бетель и небольшого количества извести, содержит обычно кусочки семян арековой пальмы.

которые сновали по стенам и потолку, ловя комаров и мошек. Мебели никакой не было, если не считать принесенные для нас раскладушки.

Фуа-Мулаку – один из крупнейших островов Мальдивского архипелага; в разбросанном среди кокосовых пальм и плантаций хлебного дерева селении живет около 5600 человек. Над каменными оградами вокруг маленьких домов выступали широкие листья бананов и деревья, увешанные апельсинами, лимонами, папайей, манго и другими тропическими плодами. Из-под кухонных навесов на открытом воздухе струился синий дымок. Большинство домов – беленые, сложенные из коралловых обломков и известняка, но можно было увидеть и побуревшие от солнца лачуги, сооруженные по старинке из сплетенных листьев кокосовой пальмы. Грунт, как и везде на Мальдивах, песчаный и ровный, как пол, однако, шагая через остров, мы с удивлением заметили поблескивающие лужицы и плантации влаголюбивого таро.

О нашем визите никто не был предупрежден, и нас поразила деталь, которая, как мы потом убедились, типична для Мальдивов: улицы были посыпаны свежим белым коралловым песком с пляжа. В любое время можно было видеть женщин, прилежно подметающих улицу веником. Они даже собирали куриный помет, блюдя безукоризненную чистоту для босых пешеходов.

Чужеземцы не селились на Фуа-Мулаку, но нам рассказали о двух гостях, которые побывали на острове уже после Белла. Его описание сохраняло свою силу: природа одарила Фуа-Мулаку таким плодородием и таким разнообразием плодов и корнеплодов, какого нет на всех других островах архипелага, вместе взятых. И люди здесь удивительно красивые, с гораздо большими вариациями физического типа, чем мы наблюдали на Мале. Несколько человек выделялись высоким ростом.

Был жаркий предвечерний час, когда мы разместились в отведенном нам доме. Харалд и Джон сбросили свои сумки на пол и разрешили нам расставить кровати по нашему усмотрению – им не терпелось искупаться в океане, пока солнце не зашло. Напрасно мы пытались отговорить их от этой затеи. Они твердили свое: дескать, знаем, что тут нет лагуны, знаем про течения и прибой, все эти опасности знакомы, не один месяц снимали жангады на буйных волнах Атлантики и сампаны в прибойной зоне у берегов Бангладеш. Нырjali с всевозможных примитивных суденышек, даже перевертывались вместе с ними. Я сознавал, что они не обязаны мне подчиняться – прилетели с Найлом на Мальдивы снимать парусные дхони, а гут их от главной задачи отвлекла надежда найти следы забытой цивилизации. Одолеваемые искушением освежиться в море, они схватили свои полотенца и поспешили на берег, дав слово не совершать безрассудных поступков.

Спустя несколько минут я тоже вышел из дома – посмотреть, куда они пошли. До берега было всего метров двести, но штормы нагромодили высокий барьер из песка и коралловых обломков, так что от дома не было видно моря. С гребня барьера мне открылся вид на весь западный берег. Рядом два островитянина конопатили перевернутую килем вверх лодчонку. Наши приятели уже отплыли довольно далеко и весело махали мне руками. Они качались на волнах за пределами подводного рифа, и глядя на них, я не знал, как реагировать-то ли сердиться на беспечных пловцов, то ли восхищаться их отвагой и искусством. Но затем верх взяло недоумение: почему-то они продолжали усиленно махать руками и после того, как я ответил им тем же.

Внезапно до меня дошло, что они машут не просто так, от избытка чувств, а зовут на помощь.

Было слишком очевидно, что мне не под силу заплывать за риф и отбуксировать человека к берегу через буруны. Меня расколошматит о скрытую под водой острую коралловую стену – и то же грозит нашим приятелям, если они приблизятся к рифу. Им оставалось лишь держаться на воде за пределами бурунов.

Я подбежал к островитянам, которые спокойно продолжали конопатить свою лодку, ведь никакие крики с моря не могли пробиться сквозь несмолкающий рокот прибоя. Схватив одного из них за руку, я развернул его лицом к рифу и показал на пловцов, которые продолжали отчаянно махать руками, борясь с океанским накатом. Островитянин посмотрел, вырвался из моей хватки и нагнулся, чтобы продолжать свое дело. Не зная языка, я не мог с ним объясниться, а потому снова взял его за руку и жестами дал понять, что эти люди рискуют утонуть, мы должны спустить лодку на воду и спасти их.

Явно рассердившись, островитянин что-то рявкнул и, сверкая глазами, опять принялся за работу. Его товарищ тоже прилежно трудился. В эту минуту подоспел наш мальдивский переводчик Абдул. Мгновенно оценив опасность, которой подверглись пловцы, он что-то крикнул лодочникам. Они отвечали ему, не поднимая головы.

– Они говорят, что у них нет весел, – перевел Абдул.

– Ну и что! – яростно воскликнул я. – Скажи им, что на этой лодчонке мы можем грести руками!

К этому времени нас уже обступила кучка любопытствующих фуамулакцев. Мне казалось, что местные жители должны быть отменными пловцами. Однако отчаянные усилия наших незадачливых приятелей противостоять накату за рифом явно оставили их равнодушными. Абдул перевел мне только что услышанную новость: в прошлом месяце три островитянки утонули потому, что им достало глупости купаться в этом самом месте. Тем временем в открытом море показалась лодка с двумя рыбаками. Я облегченно вздохнул: они гребли очень медленно, но как будто курсом на двух пловцов, которые, увидев лодку, еще сильнее замахали руками. Мы тоже, бегая взад-вперед по берегу, махали руками, рубашками, пальмовыми листьями и кричали во все горло, хоть и понимали, что из-за прибоя услышать нас за рифом невозможно.

Рыбаки явно заметили злополучных пловцов и направили лодку к ним. Но наша радость была преждевременной. В нескольких метрах от наших друзей лодка остановилась, и мы, не веря своим глазам, увидели, как вновь заработали весла и она стала медленно удаляться. Просвет между ней и пловцами увеличивался на глазах, и вот она уже ушла так далеко в море, что мы перестали рассчитывать на нее.

Между тем Абдулу сообщили, что кто-то побежал в селение за веслами. Внезапно я заметил в толпе бородача в очках – это был Найл. Весь любопытство, он подошел ко мне и справился, по какому случаю такой переполох. Я показал рукой и назвал имена его товарищей; в ту же секунду он ринулся к воде и нырнул под волну прежде, чем кто-либо мог его остановить. Вынырнул он уже без очков, ничего кругом не видя. Тут же новая волна опрокинула его и, отступая, потащила к рифу.

Когда показались люди с веслами, за жизнь отчаянно боролась уже вся троица киношников – один в бурунах на рифе, двое за рифом. Солнце быстро катилось вниз; еще немного и, как всегда на экваторе, нырнет в океан, не оставив времени для сумерек.

Дальше все происходило стремительно и беспорядочно. Еще не подоспели люди с веслами, а другие уже выкатили из укрытия под деревьями другую лодку, вошли с ней в воду и принялись грести руками. Добравшись до двух пловцов за рифом, они извлекли одного из них из воды. Найл сам возвратился на берег, барахтаясь на гребне могучей волны, – то ли потому, что был искусным пловцом, то ли потому, что Аллах сжалился над ним. Без очков он двигался наугад, но сильные руки подхватили его и втащили на пляж. С гой же волной пришла лодка, которая подобрала Джона. По крутому пляжному склону он поднялся без посторонней помощи, мертвенно-бледное лицо говорило о том, какое потрясение он испытал. Сразу же вслед за тем на берег вынесли безжизненное по видимости тело Харалда. Но и он ожил, когда Бьёрн принялся его откачивать, и рот Харалда уподобился насосу, извергающему струи морской воды.

Солнце скрылось, и тропический мрак окутал Фуа-Мулаку, когда Харалд и Джон наконец пришли в себя и, сидя с нами у керосиновой лампы, смогли рассказать, что с ними произошло. Вместе с вождем селения явился Абдул; от него мы узнали, что островитяне возмущены поведением рыбаков, которые подошли вплотную к тонущим иностранцам лишь затем, чтобы тут же бросить их на произвол судьбы. Джон и Харалд видели лодку все время с той минуты, когда придонное течение неожиданно отнесло их за риф. Они кричали: «Помогите, помогите!» – и лодка была уже совсем близко, но гребцы вдруг круто развернули ее. Один из них презрительно крикнул: «Помогите!» – передразнивая наших друзей, после чего оба навалились на весла и ушли.

– Почему? – спросили мы.

Мы не дождались ответа от островитян. Может быть, они и знали его, да держали про себя. Во всяком случае, они явно не одобряли такое враждебное поведение, пусть даже по отношению к немусульманам из чужой страны.

Всю ночь над островом бушевала гроза, и к пяти часам утра бригада Найла заключила, что сыта по горло островом Фуа-Мулаку. Мы тоже поднялись, чтобы проводить трех друзей. Мальдивское приключение перестало их привлекать, и они справились, нельзя ли воспользоваться зафрахтованным нами судном, чтобы вернуться на Ган, где они собирались ждать первого авиарейса до Мале. Мы с Бьёрном не возражали, лишь бы Найл не забыл сразу послать «Миду» обратно за нами. Со мной и Бьёрном оставались наш переводчик Абдул и два шри-ланкийских студента Бьёрна с видеокамерами.

Когда показалось солнце, я спустился на берег, где накануне едва не случилась трагедия, чтобы посмотреть, нельзя ли все-таки принять утреннюю ванну на мелководье, подальше от обрывистой грани рифа. Памятуя о вчерашнем, я не собирался рисковать: осторожно вошел по колено в теплую воду и лег, чувствуя себя последним трусом. Был отлив, и только легкая рябь морщила поверхность воды. Тем не менее я придвинулся к большому шаровидному кораллу, чтобы держаться за него, если через риф хлынет внезапная волна.

Жизнь была прекрасна. Новорожденное солнце проглядывало между стволами кокосовых пальм, окрасив небо на востоке в пурпурный цвет. Внезапно уровень воды поднялся от волны, которая катилась со стороны берега. Ощувив ее напор, я поспешил ухватиться за коралл обеими руками. Поток оторвал мои ноги от дна, и я накрепко все силы – ведь отпусти я сейчас коралл, и меня вынесло бы в океан, как это было с нашими друзьями накануне.

Странное дело: коварный накат подкрался не с моря... Тут надо быть начеку. Уловив момент, когда напор потока ослаб, я живо выбрался на берег. Мне стало ясно, что никакая осторожность не гарантирует безопасного купания в этом месте, а может быть, вообще на этой стороне острова. Видимо, где-то поодаль на крутой берег обрушился могучий вал – и покатил вдоль пляжа, пока не нащупал выход над коралловым рифом как раз там, где мы нашли, казалось бы, подходящую для купания глубину.

Плечистый здоровяк – хозяин снятого нами дома – и его помощник, улыбчивый коротыш, принесли нам из селения пресные лепешки, бананы, чай и кокосовое молоко, и после завтрака мы отправились знакомиться с первым из увиденных нами на Мальдивах внушительным древним сооружением.

Судя по всему, огромный рукотворный холм был средоточием загадок Фуа-Мулаку. Белл успел лишь бегло осмотреть его, и здесь пока не работал ни один археолог. Возможно, холм был сродни тому, который возвышался на Гане до строительства аэродрома.

Впервые про холм на Фуа-Мулаку Белл услышал от одного островитянина, когда после кораблекрушения в 1879 году очутился на Мале. В его записках той поры значится, что, по словам местных жителей, на Фуа-Мулаку можно видеть обросшие лесом развалины, «кото-

рые напоминают колоколовидные дагабы, возвышающиеся на платформах на Цейлоне, и среди этих развалин есть каменное изображение Будды в позе стхана-мудра (стоящий)».

Тогда Белл пришел к такому заключению: «Хотя наличные свидетельства слишком неопределенны и недостаточны, чтобы делать определенный вывод, отнюдь не исключено, что... буддийские миссионеры, которые по заветам Ашоки странствовали, чтобы, смешавшись с неверующими, заниматься их просвещением, принесли свое учение через моря даже на незначительные, малоизвестные Мальдивские острова».

Сам Белл побывал на Фуа-Мулаку при повторном посещении Мальдивов в 1922 году и за короткие часы, проведенные на острове, успел только обмерить остатки древнего сооружения. Обросшее пальмами и другими деревьями, оно все еще возвышалось почти на восемь метров. Часть кладки была разобрана; тем не менее фрагменты первоначальной облицовки из тесаных коралловых блоков склонили его к выводу, что перед ним и впрямь были остатки буддийской дагабы или ступы.

Белл записал, что обитающие на острове мусульмане унесли большинство прямоугольных облицовочных плит, однако не смогли разрушить высокий холм, образованный компактным заполнителем. Стоящий Будда исчез, и про него никто не помнил. И Белл заключил, что услышанное им в 1879 году «тогда могло быть правдой; однако сорок с лишним лет спустя ни о каком буддийском изваянии не было известно, во всяком случае, ничего не говорилось вслух».

И вот еще шестьдесят лет спустя мы, предвкушая интересные открытия, направляемся осматривать остатки *хавитты*, как называли загадочную конструкцию островитяне. В наше время на Фуа-Мулаку появился колесный транспорт: несколько ручных тележек и изрядное количество велосипедов. Плоский остров протянулся с севера на юг на шесть с половиной километров, его ширина около трех километров. Одолжив велосипеды, мы проехали по оза-ренным утренним солнцем улицам селения, затем по узкой тропе углубились в густой веч-нозеленый лес. У северо-восточной оконечности острова тропа подошла вплотную к подно-жию крутого каменистого холма, густо поросшего кустарником и панданусами. Соскочив с велосипедов, мы спрятали их в тенистом подлеске и по канаве на склоне холма полезли на четвереньках вверх. На макушке нашим глазам предстало подобие кратера.

Курган был разграблен.

Во всяком случае, не Беллом во время его короткого визита. Широкая яма была почти свободна от растительности; ее заполняли грубые обломки кораллов разной величины, среди которых выделялись тщательно обтесанные известняковые блоки, явно составлявшие часть прежней облицовки.

С вершины холма не было видно домов, только зеленые заросли; жители острова оста-вили в неприкосновенности прилегающий к хавитте участок. От селения холм был отде-лен густым лесом; к берегу моря опускалась каменистая равнина с кокосовыми пальмами; дальше до самого горизонта простирались голубые воды Экваториального прохода. Один престарелый островитянин подтвердил мою догадку, что хавитта служила ему и другим здешним мореходам ориентиром для навигации. Особенно в былые времена, когда ее камен-ные стены были покрыты слоем белой извести.

Продираясь сквозь заросли, мы принялись обследовать подножие холма, сопровожда-емые по пятам любопытными островитянами. Нам попало несколько искусно обработан-ных блоков, предназначенных для пьедесталов, плинтусов, цоколей, фундаментов, колонн и других архитектурных элементов, которым, казалось, было место скорее в Древней Греции, чем на этом скромном островке. Но разве не видели мы нечто похожее в насыпи мола и в садовых оградах на Миду – ближайшем к Фуа-Мулаку острове у южной стороны Экватори-ального прохода?

Продолжая затем двигаться по тропе, мы почти сразу наткнулись на еще одну заметную неровность – широкий низкий бугор, также усыпанный плитусами, частями дверных перемычек, другими камнями со следами обработки. То были жалкие остатки куду хавитта, или малой хавитты, как просветил нас один из членов непрерывно растущего эскорта. Другой добавил, что в прошлом эта хавитта была намного больше, но люди унесли все камни. Мы попросили разрешения очистить бугор от покрывающих его широколиственных и вьющихся растений, и несколько взрослых и юных островитян весело взялись нам помогать.

В приливе оптимизма мы справились, нет ли на острове других хавитт. Нет, только эти две, гласил дружный ответ.

В эту минуту мы услышали громкий возглас обычно столь молчаливого Мухамеда Вахида, представителя мальдивской администрации. Стоя на возвышении, укрытом за плотной лиственной завесой, он кричал, что тут есть еще одна хавитта. Обступившие нас островитяне явно были удивлены и даже озадачены; по их словам, речь шла о совершенно новом открытии. Стремясь развеять наши сомнения, они тут же постановили в честь гордого открывателя назвать эти руины *Вахид хавитта*.

Нас окружали обширные непролазные заросли пандануса разной высоты, с острейшими шипами по краям длинных кожистых листьев. Без сомнения, в этих дебрях могли скрываться остатки и других сооружений, скорее всего, разрушенных до основания. Посреди густой чащи нам встретилась глубокая впадина, и лишь позднее мы установили, что некогда здесь был ритуальный бассейн, возможно, того же типа, каким, по словам жителей Хитаду, пользовалась тамошняя королева. Мы обнаружили многочисленные следы бывшего обитания, в том числе очень древние черепки.

На почти голом, усыпанном галькой участке за обращенным к морю скатом большой хавитты Бьёрн набрел на выложенные правильным кругом, искусно обтесанные и пригнанные друг к другу камни. Диаметр круга равнялся росту взрослого человека, и камни были обтесаны под небольшим углом, словно они служили первым ярусом сводчатой кладки наподобие эскимосских иглу.

Через нашего верного переводчика Абдула я наладил что-то вроде дружбы с приветливым пожилым островитянином по имени Ибрахим Саид, который внимательно следил за тем, какое впечатление производят на меня замечательные образчики работы с камнем. Теперь я услышал от него, что в прошлом большая хавитта была очень красивой. Он видел ее до того, как ее окончательно разрушили. Вверх по обращенной к морю стене поднимались ступени. Там же довольно высоко были высечены строки неведомых письмен. Длина строк достигала почти двух с половиной метров, высота – сантиметров двадцать пять. Старик и дальше охотно просвещал меня. Найдя хорошо сохранившийся сегмент круглой каменной колонны диаметром около 45 сантиметров, я спросил его, что бы это могло быть. Он ответил, что это часть колонны, которая возвышалась по грудь человека.

– Для чего она служила?

– На нее клали бетель с известью.

– Разве люди приходили к хавитте жевать бетель? Почему не заниматься этим дома?

– Он предназначался не для людей. Бетель приносили каменному будду.

Зная, что на Мальдивах словом «будду» называют всякие статуи, я спросил, как выглядел этот будду.

Ибрахим Саид сам не видел статую. Но мать говорила ему, что рост будду достигал примерно 170 сантиметров. Рядом на земле стояла другая статуя, высотой меньше метра. Одна рука будду была согнута в локте. Мать Ибрахиима сама видела это изваяние, пока его не разбили молодые парни. Но жертвоприношений бетеля она не наблюдала, поспешно добавил Ибрахим. Сам он и вовсе не видел ничего в этом роде. Только каменного слоника длиной 20–25 сантиметров, с хоботом и бивнями, которого кто-то подобрал поблизости от малень-

кой хавитты и принес в деревню; потом он потерялся. Я попросил Ибрахима нарисовать слоника по памяти. Он изобразил нечто похожее на спичку с четырьмя ногами, хвостом и опущенной головой. Заметив, что другие островитяне прислушиваются к нашему разговору, Ибрахим примолк.

Полуденное солнце нещадно жгло, все мы проголодались, и вскоре длинная череда велосипедистов и пешеходов потянулась обратно в селение.

Мы быстро уразумели, что островитяне избегают говорить на людях о предметах, которые привыкли считать языческими. С помощью наших друзей из Мале – Абдула и Вахида, – а также местного вождя мы отыскивали старика, сопровождавшего Белла к хавитте, и вечером пригласили его в наш уединенный домик на краю селения. Семидесятичетырехлетний Маги Эдуруге Ибрахим Дидди мало что помнил о визите Белла, видел только, как тот проделывал на хавитте различные измерения и собирал древние изделия. Ибрахима Дидди удивило, что Белл не смог прочитать чужеродные письма над ступенями, хотя знал и европейские и сингалские буквы, так как отец его был англичанин, а мать сингалка с Шри-Ланки.

Затем старик сказал, что Белл не видел изваяния.

– Какого изваяния?

– Каменного изваяния *Махафоти Калеге*.

– Это кто же такой?

– Изваяние изображало человека с рыбой. «Махафоти Калеге» означает «Владелец Рыбы». Так называли это изваяние старики. Они дали ему такое имя потому, что каменный человек держал в руках веревку с куском рыбы.

Мы никогда не слышали, чтобы Будда держал веревку с куском рыбы. Да и наш собеседник отнюдь не утверждал, что «Владелец Рыбы» – изображение Будды. Когда мы заметили, что буддисты, кроме Будды, никого не изображали, Ибрахим Дидди молча пожал плечами.

Зато он помнил, что после Белла с Мале приезжал кто-то еще; именно этот человек выкопал глубокую канаву на склоне хавитты. Тогда нашли четыре каменных ящика и каменную курильницу. В ящиках было по два отделения, в одном лежали угли и зола, в другом какие-то «штуки» вроде золотых лент. В ту пору около хавитты лежало много обломков каменных изваяний, в том числе кисти рук и другие фрагменты.

Следующим нашим гостем был Ахмед Али Дидди, примерно того же возраста, что Ибрахим Дидди. Он помнил, что у хавитты была коническая вершина, накрытая большими плитами. О письменах ничего не мог сказать, но про каменную статую слышал. Ее называли «Махафоти Калеге», она изображала человека с веревкой и куском рыбы. «Маха» означает «рыба», «фоти» – «кусочек», «калеге» – «человек», но не просто человек, а господин. Так, Аллаха островитяне называли «Маикалеге» – «Большой Господин».

Вот и разберись тут! Жители острова были мусульманами, а мусульманам возбранялось создавать статуи, изображающие человека. Белл определил хавитту как буддийское сооружение, однако буддисты не стали бы приносить бетель человеку с рыбой на веревке.

Вместо того чтобы и дальше приглашать к себе стариков, заставляя непривычных к велосипеду людей шагать к нам через весь остров, мы начали сами навещать их по вечерам. Сидя дома у них на деревянных койках, мы слушали речи бывалых людей. Конечно, мы отлично сознавали, что никакие рассказы не заменят нам археологических свидетельств. Пусть даже рассказчик ничего не сочиняет намеренно, все равно есть достаточно оснований подвергать сомнению детали его версии. Все, что касается других религий, на этих островах – деликатнейшая тема. Да и память человеческая не всегда так уж надежна. Наша задача – извлечь из услышанного все крупницы информации, позволяющие предположить, что в прошлом на Фуа-Мулаку, кроме предков нынешних островитян, побывали другие люди.

Али Муссе Дидди исполнилось 75 лет. Он присутствовал при ограблении большой хавитты. Видел, как были найдены человеческие кости. На небольшой глубине раскопали известняковую плиту, под которой лежал не каменный ящик, а скелет с черепом. Кости унесли и захоронили рядом с мечетью. Мусса Дидди помнил также двухкамерные ящики, их вместе с бутом бросили обратно в хавитту, а содержимое увезли в Мале. Он сам видел Махафоти Калеге поблизости от малой хавитты. Изваяние стояло там во времена Белла, но он его не тронул. Статуя изображала обнаженного мужчину без бороды и волос, с обломанным пенисом и куском рыбы на веревке. Видел Мусса Дидди и слона. Это был точно слон, высотой около тридцати сантиметров.

Переходя из дома в дом, мы снова и снова слышали рассказ о Махафоти Калеге. Абдулла Муфед даже поведал нам историю, объясняющую происхождение этой статуи. Как рассказывал его дед, в далеком прошлом какие-то мореплаватели, пересекая океан со стороны Аравии, сбились с курса и попали на этот остров. Через некоторое время мужчина по имени Амболакеу отправился ловить рыбу. Его жена осталась ждать на берегу. Только он приготовился передать ей свой улов, как неожиданно появившийся джинн бросил в них горсть кораллового песка, и оба – мужчина и женщина – обратились в камень. Абдулла сам видел эти изваяния до того, как их разбили. У обоих были очень большие головы с продолговатыми лицами. Руки и ноги короче, чем у обычных людей. Большие уши, маленькие глаза; ни волос, ни бороды. Похожи на японцев. У женщины лоб был меньше, чем у мужчины, но лицо тоже продолговатое. Мужчина держал в вытянутой вперед руке короткую веревку с круглым куском рыбы. Женщина – обнаженная, с маленькими сосками и ложбинкой в паху. Мужчина – тоже обнаженный, но пенис был обломан. До того как статуи уничтожили, они стояли на каменных столбах около малой хавитты. Женщину никак не называли, а мужчина получил имя Владелец Рыбы. Абдулла видел также каменного слона, он был величиной с кролика, с четырьмя ногами, бивнями и хоботом.

Конечно же, легенда о джинне, бросающем песок и превращающем рыбака и его жену в камни, была сочинена людьми, которые застали уже готовые изваяния. Не зная их происхождения и назначения, они придумали свое объяснение.

Менее успешно сложилась наша беседа с девяностолетним Абдулом Раджмалом. Почтенный старец говорил на местном диалекте, которого наш переводчик с Мале не понимал, так что пришлось прибегнуть к помощи молодых родственников Абдула. Очень скоро в сад старца набился народ, и хозяин, поначалу говоривший свободно, вдруг заявил, что ничего не помнит. Другие тоже ничего не помнили. Решив проверить их, я громко произнес магическое имя:

– Махафоти Калеге!

Реакция не заставила себя ждать. Стоявший рядом со мной молодой парень повторил это имя и добавил слово «хавитта», улыбаясь и показывая рукой в сторону северо-восточного мыса. С разных сторон послышался робкий смех, но в это время из дома выбежал, размахивая палочкой, мужчина среднего возраста. Начертив круг на земле у моих ног, он твердо возвестил:

– Вот так выглядел Махафоти Калеге – круглый камень с дыркой, больше ничего! Обыкновенный каменный якорь, какими здесь пользовались в прошлом.

Я спросил, почему же круглый камень называли «Господин Куска Рыбы». Ответ последовал тотчас, положив конец дискуссии:

– Кусок рыбы может быть любой формы.

Поблагодарив хозяев дома за прием и интересные сведения, мы оседлали велосипеды и покатали в темноте по широким, длинным улицам селения. Дома стояли далеко друг от друга, только и видно, что свет керосиновых ламп в некоторых окнах, устремленные к небу

силуэты банановых листьев и над ними, в окружении звезд, – кривые стволы и дольчатые листья хлебных деревьев.

На другом конце селения нам больше повезло. Семидесятилетний Мухаммед Манику не боялся рассказывать. От него мы услышали, что в прошлом остров посещали рыбаки с Шри-Ланки, чтобы «выразить благодарность». Они были очень религиозны. Отец Мухаммеда видел сингальских рыбаков, которые приходили на Фуа-Мулаку, чтобы принести статуе жертву в виде сырой рыбы. У них были «хорошие отношения» со статуей. Сам Мухаммед участвовал в раскопках большой хавитты, но к уже слышанному нами мог лишь добавить, что приезжавший с Мале человек видел письма на обложке и усмотрел в них сходство с тамильскими. От Абдуллы Муфедда мы слышали, что они напоминали сингальские письма; ему об этом сказали старики, которые плавали на Шри-Ланку. Они же говорили, что хавитта похожа на сингальские храмы и что сингалы иногда останавливались на близлежащих островах.

Когда уже поздно вечером мы вернулись в отведенный нам дом, пришел его хозяин – Кеннари Ибрахим Дидди, крепкий мужчина средних лет, бывший капитан. Одно время он жил на Мале в качестве официального представителя Фуа-Мулаку. Кеннари держался спокойно, с достоинством, как человек, повидавший мир. На наш вопрос, слышал ли он о статуях на этом острове, Кеннари ответил, что знает человека, который закопал одну в землю.

– А не две? – спросил Бьёрн.

– Это вы про женскую фигуру? – выпалил Кеннари.

И добавил, что когда-то фигур, очевидно, было много. При раскопках большой хавитты были найдены руки и другие фрагменты разных изваяний. Но раскопки велись только в поисках клада, поэтому остальные находки побросали обратно в яму и закопали. Если мы желаем знать больше, он готов провести нас к старому родственнику, который руководил рабочими на раскопках.

Семидесятитрехлетнего родственника Кеннари звали Хусаин Калефан. Он сообщил нам, что через много лет после Белла на остров прибыл некий Адам Насер Маник, заявивший, что прислан с Мале раскапывать хавитту. Хусаин помог ему нанять людей, и в толще холма были найдены каменные ящики с крышками. В ящиках было золото; его гость с Мале увез с собой. Еще глубже нашли другой каменный ящик, в котором лежала маленькая скульптура, высотой всего около тридцати сантиметров. Ее не увезли на Мале и не уничтожили. Она изображала не Махафоти Калеге с рыбой и на Будду не похожа: прямая обнаженная фигура, руки с длинными пальцами опущены вниз; глаза, нос и рот скорее как у обыкновенного человека, чем как у демона; ни длинных ушей, ни торчащих клыков. «Начальник» с Мале этой фигурой не заинтересовался. Вообще на Мале запрещалось показывать человеческие изображения; люди и за меньшие проступки могли угодить в кутузку, даже если просто рисовали человечка на песке.

Важные сведения! Выходило, что маленькая скульптура все еще лежит в каменном ящике род коралловой крошкой, которой засыпали выемку в хавитте, и ее легко найти, не повреждая древнее сооружение. Надо только копать там, где копали до нас, и достать каменный ящик.

Мы попросили Кеннари возглавить бригаду для вскрытия старого шурфа, но сперва сопровождавший нас представитель мальдивских властей Вахид должен был запросить разрешение в Мале. На каждом атолле был свой вождь, и он ежедневно связывался по радио со столицей. Вахид не один час провел у маленькой радиостанции в конторе вождя, чтобы передать наш запрос. В конце концов из Мале сообщили, что учрежден Национальный мусуль-

манский комитет, который и должен будет решить – вскрывать или не вскрывать хавитту вновь. А до тех пор нам возбранялось трогать холм.

В ожидании ответа мы продолжали собирать информацию у местных жителей. Нам представили еще одного старика – Ибрахима Диди Кало Сехиге, видевшего каменные ящики, когда их извлекли из хавитты. Двухкамерные ящики были накрыты сводчатой крышечкой, похожей на крышу дома. В одной камере лежало золото в бронзовом сосуде, в другой – жаровня с углями и золой. Ибрахим подтвердил, что в закопанном обратно ящике была маленькая статуя.

Нас познакомили также со старой женщиной по имени Кадия Ибрахим Калифан, вдовой островитянина, который был на Фуа-Мулаку вождем, когда из хавитты достали золото. По словам Кадии, это сделал некий «начальник» из Мале. Все найденное им в хавитте хранилось в ее доме до его отъезда. Он показал ей две миски, полные мелких золотых изделий и янтаря, а также талисманы, предназначенные для колдовства. Но Кадия знала, что, кроме того, были найдены человеческие кости и череп. По ее словам, их захоронили около хавитты, а не у мечети.

Записывая на пленку местные песни и сказания, Бьёрн и его сингальские студенты побывали у пожилого островитянина по имени Ахмед Мусса, который исполнил для них песнопение, известное, как потом оказалось, и его молодым соплеменникам. Так мы впервые услышали про *рединов*. Думается, не присутствуя это слово в местном сказании, восхваляющем Фуа-Мулаку, никто из островитян не стал бы говорить о них. Один куплет касался большой хавитты:

Редин танеке хеди ихао
Хавиттаи дагебо сингхала мауморе ко.
Эта будде хутте до
баланг дама хури это.

С помощью знающих местный диалект Абдул перевел:

Это здесь редины когда-то создали
хавитту, очень старую, построенную сингалами.
Говорят, там стояла статуя;
не пойти ли нам посмотреть,
стоит ли она на месте...

Тонкий намек на то, что статуя, возможно, спрятана, был достаточно понятен, а; вот упоминание двух разных создателей хавитты сперва меня озадачило. Белл определил здешнюю хавитту как бывшую буддийскую ступу древнейшего сингальского типа, какие ему приходилось видеть на Шри-Ланке. Таким образом, утверждение автора сказания, что хавитта построена сингалами, выглядело резонным. Но кто такие редины? И если хавитту воздвигли сингалы, то как же она могла быть создана редиными?

Лишь много позже до меня дошел скрытый смысл этого текста. А тогда, в наши первые дни и ночи среди необычной общины, где на пятам доверия шла секретность, я просто не успевал все переваривать и толком осмысливать. Молодой учитель, уроженец одного из северных атоллов, пришел к нам, чтобы сказать, что жители Фуа-Мулаку знают о древней истории и немусульманских верованиях немало такого, чем не станут делиться с иностранцами. Наверно, он был прав, и все же мои записные книжки продолжали пополняться новыми деталями о прошлом острова. Меня особенно занимали загадочные редины. Было очевидно, что речь идет о каком-то народе. Перечитывая богатую сведениями публикацию

Белла, я обнаружил беглое упоминание рединов в описании холма, который показали автору на одном из островов атолла Хаддумати: «С этим холмом не связано никаких преданий, если не считать, что его создание приписывают как называемым «рединам», предполагаемым древним строителям всех таких огромных сооружений».

Дальше Белл говорит об еще одном сооружении, на острове Миланду в северной части архипелага: «Суеверный страх удерживает островитян от раскопок этого холма, который они называют *Рединге Фуни*».

«Рединге Фуни» означает «Холм Рединов». Атоллы, на которых Белл услышал про рединов, находятся в противоположных концах длинной цепочки Мальдивов. И вот теперь мы узнали, что рединов считают также первоначальными создателями большого холма на Фуа-Мулаку.

Доискиваясь сведений о поре, к которой относили пребывание на острове легендарных рединов, мы с удивлением отметили распространенное среди местных жителей убеждение, что, когда редины сооружали хавитту, Фуа-Мулаку был атоллом с внутренней лагуной. В давние времена, утверждали островитяне, суда могли заходить в середину атолла и швартоваться или бросать якорь там, где теперь находится возделываемая земля. Из поколения в поколение передавалось, что некогда страшный шторм закупорил вход в лагуну коралловыми глыбами и песком, и постепенно на ее месте образовались плодородные поля с пресноводным озером в центре. Фуамулакцы так твердо верили в эту версию, что даже показали нам сплошные нагромождения глыб на южном берегу, где, по их словам, находился пролив.

Еще больше мы удивились, когда нас привели к красивому пресноводному озеру внутри острова шириной около 300 метров, от которого по каналам через трясину расходилась вода, орошающая плантации влаголюбивого таро. Озеро называлось *Бандара-Кали*; ни до, ни после не доводилось мне видеть или хотя бы слышать про озера на коралловых островах. Зеркальная гладь отражала зеленое кольцо тропической листвы, бананов, кокосовых пальм. По преданию, сюда заходили редины, прежде чем закрылся ход для акул и ракообразных и коралловый сад на дне сменился темным плодородным гумусом, – вот и объяснение, почему во всем архипелаге только Фуа-Мулаку ошастливлен богатым разнообразием тропических цветов, плодов и овощей.

Считается, что где-то в сердце этого зеленого рая скрыты остатки древней пристани, но нам не довелось их увидеть.

Картина дивного озера стояла у нас перед глазами, когда мы слушали рассказ семидесяти трехлетнего Мухаммада Али Дидди о бывшей лагуне. Дед Мухаммада говорил ему, что Фуа-Мулаку очень, очень давно изменил свой облик, перестав быть атоллом.

– Это произошло до того, как мы стали мусульманами, – сказал Мухаммад. – Когда наш народ принял ислам, люди уже жили в центре острова.

Но в самом начале, продолжал он, когда люди только пришли сюда, внутри острова была лагуна, и, чтобы попасть к тем, кто обосновался на другом берегу, надо было обходить ее по кругу. В то время жил на Фуа-Мулаку рыбак по имени Амбола Кеу, или Амбола Кеола. Он пересек лагуну на лодке и в той части тогдашнего атолла, где стоит хавитта, встретил двух старцев с длиннейшими бородами, спускавшимися на грудь. Они были не мусульмане. Их белое одеяние, сделанное из листьев, прикрывало только половые органы. (Абдул сначала перевел «из банановых листьев», но тут же поправился и уточнил, что речь шла о листьях пандануса. У древних жителей острова было заведено вымачивать в воде узкие полосы из листьев пандануса, которые очищали и соединяли, отбивая деревянными колотушками, так что получалась своего рода материя, гладкая, как шелк.) Оба старца опирались на посохи и производили впечатление религиозных людей. Амбола Кеу как раз возвращался с рыб-

ной ловли, и они приказали ему: «Дай рыбы!» Амбола дал им куски рыбы, нанизанные на веревку. Они повесили веревки на свои посохи, которые положили на плечо, и ушли.

Когда деду Мухаммада поведали эту историю, он спросил:

– Кто были эти люди, которых встретил Амбола Кеу?

Ему ответили:

– Это были люди хавитты.

Место, где причалил Амбола, называлось Идуга-Колетере; теперь там кругом сплошная суша.

Между описанным выше эпизодом и пропавшей статуей «Владельца Рыбы» явно угадывалась какая-то связь. Обратившись к своим записям, я обнаружил, что имя Амбола Кеу, встретившего двух старцев, совпадает с именем рыбака в легенде, которого джинн превратил в каменное изваяние, названное впоследствии *Махафоти Калеге* – «Владелец Рыбы».

Мухаммад не смог добавить ничего нового, когда мы упомянули статую.

– Она уничтожена, – сказал он. – Все статуи были уничтожены.

– А кто их создавал?

– Редины. Редины соорудили хавитту, и они же создали статуи.

– Ну, а кто такие эти редины?

Старик пожал плечами. Возможно, предположил он, они были сингалами; во всяком случае, их язык отличался от дивехи, на котором говорили мальдивцы. Редины первыми поселились на этих островах, затем пришли мальдивцы. У рединов была белая кожа; волосы – коричневые (в этом месте рассказа наш собеседник для наглядности коснулся рукой каштановых волос Бьёрна). У них были продолговатые лица, изогнутые носы с горбинкой и голубые глаза. Их отличал также высокий рост. Они создавали статуи и поклонялись им.

Мухаммад подтвердил, что внутри большой хавитты нашли какую-то другую статую, но ее разбили. «Владелец Рыбы» и женская статуя стояли около малой хавитты. О редилах он больше ничего не знал.

Мы снова пошли к Хусаину Калэфану, руководившему бригадой на раскопках, и спросили его, что слышал он о редилах. Разговор происходил в доме Хусаина, у стола собралась вся семья, они лишь молча переглянулись, словно не поняли вопроса. Я подумал, что им неизвестно слово «редин», но, хотя взрослые явно опешили, один смысленный мальчуган, выйдя вдруг из-за моей спины, воскликнул:

– Я знаю редина, он тут жил!

Родители смутились, и отец мальчугана поспешил отвлечь наше внимание от его слов, высказав догадку, что редины – название некоего мифического народа. Я спросил, как они выглядели. Никто не брался описать их, но хозяин дома предположил, что это были просто-напросто индусы. Поскольку мальчуган продолжал настаивать, что видел редина в этом доме, я осведомился у родителей, не гостил ли у них какой-нибудь индус. Они смущенно усмехнулись и ответили, что индусов не было, а гостил один иностранец, похожий на нас, по имени Майкл, редином же его прозвали потому, что у него были коричневые волосы и внешностью он напоминал рединов.

Спасибо мальчугану за то, что его реплика вынудила отца сообщить нам эти сведения. Итак, в представлении островитян, у рединов были коричневые волосы и они походили на нас!

Из чего следовало, что странная древняя легенда, широко распространенная в других частях света, достигла и этих уединенных островов в Индийском океане. Светлокожие люди с коричневыми волосами часто упоминаются в преданиях Мексики и Перу доколумбовой поры, даже на далеком острове Пасхи в Тихом океане. Разумеется, эти легендарные строители и мореплаватели не были выходцами из Европы. Но ведь люди, отвечающие такому

описанию, жили и за пределами Европы. Светлая кожа и коричневые волосы отличали некоторых обитателей Ближнего Востока и Западной Африки. Из услышанного нами от фуамулакцев можно было уверенно заключить только одно: нынешние жители острова считают, что большие холмы были сооружены не их предками, а более древними обитателями острова, представителями другого народа.

Нам предстояло вскоре убедиться, что и на других островах архипелага большинство взрослого населения слышало про рединов. Правда, мало кто открыто признавался, что верит в эти древние предания. Для современной мальдивской молодежи слово «редин» стоит в одном ряду со словом «джинн» и другими словами, обозначающими всякую нечисть. Пройдет немного времени, и на Мальдивах совсем ничего не останется от домусульманских легенд.

Пока мы ждали разрешения Мале вскрыть шурф, в котором, по словам островитян, был повторно захоронен маленький будду в каменном ящике, в селении разгорелся спор, стоит ли возобновлять поиск языческой скульптуры. Кое-кто стал вдруг ревностно убеждать нас, что это будет пустой тратой времени. Один старик категорически утверждал, что в каменных ящиках не было никаких будду. Мы захотели проверить его слова и снова обратились к руководителю бригады, работавшей на раскопках. Он заявил, что сей «очевидец» тогда вообще не подходил близко к хавитте, а вот сам он совершенно точно видел будду. Когда мы еще раз пришли к «очевидцу», тот признался, что только передал нам услышанное им от верного человека, который ходил к хавитте и заверил его, что не видел никаких будду. Бьёрн и Абдул не поленились разыскать «верного» человека и с удивлением обнаружили, что он слепой...

Было бы неразумно раздражать суеверных островитян, да и разрешение Мале заставляло себя ждать, так что нам оставалось лишь на время забыть про хавитту. «Миду» уже отвезла трех киношников на Ган, и мы решили осмотреть острова к северу от Экваториального прохода. Однако тут возникло неодолимое препятствие: отказал двигатель нашего судна. После рейса на Ган «Миду» стояла в ожидании у подветренной стороны острова, когда же мы собрались плыть дальше, выяснилось, что кто-то поковырялся в двигателе и винт не вращается. Капитан заявил нам, что «Миду» останется здесь навечно, если кто-нибудь не одолжит ему компрессор. На Фуа-Мулаку компрессора не было, оставалось только послать за ним на Ган, если мы не хотели навсегда поселиться среди фуамулакцев. Шестнадцать гребцов на открытой дхони пересекли Экваториальный проход и через два дня вернулись с компрессором.

Тем временем мы искали на острове другие следы рединов. Кто бы ни были эти люди, после них должно было остаться что-то еще, кроме огромной хавитты.

Глава III Первый пальцевый отпечаток

Путешествия в пространстве и времени

В нескольких сотнях метров от большой хавитты возле лесной тропы особняком стояла старая заброшенная мечеть, маленькая и неказистая на любую мерку, особенно же в сравнении с остатками ее соседа-великана. Редины, воздвигшие могучую пирамиду, фыркнули бы презрительно, увидев скромное культовое строение, которое заменило их храм, когда на Фуа-Мулаку утвердилось учение Мухаммада.

Однако в жизни фуамулакцев эта мечеть играла важную роль: она была первым молитвенным домом, построенным их предками, когда те приняли новую веру. Контраст в размерах двух древних святынь выразительно говорил о том, что сила веры может спорить с физической силой. Кем бы ни были редины, они вложили в свое сооружение огромный труд, опыт и немало средств. Что до мечети, то ее без особого напряжения соорудил некий каменщик, воспользовавшись тесаным камнем из превосходной кладки величественной конструкции рединов.

Местные старики подтвердили, что так оно и было. Маленькая мечеть старейшее на острове мусульманское строение. Отшлифованные известняковые блоки ее стен взяты на древней хавитте. Редины обработали их для облицовки насыпи, по которой ныне только и можно судить о масштабах бывшего храма. Когда фуамулакцы приняли ислам, они раздели хавитту и отнесли камни на строительство первого молитвенного дома в честь Аллаха.

Перед мечетью лежала могильная плита с высеченным на ней именем Юсуфа Наиба Калегефана, обратившего островитян в ислам. Отец Юсуфа, Яхья Наиб Калегефан, приплыл на Фуа-Мулаку из какой-то далекой страны вскоре после того, как ислам утвердился на Мале.

Стены Юсуфовой мечети с первого дня привлекли мое внимание. Никогда еще мне не доводилось видеть столь искусно обтесанные и отшлифованные известняковые блоки, плотно пригнанные друг к другу, словно то были куски огромного сыра, а не плиты из коренной породы острова. Правда, на углах постройки грани некоторых блоков выступали из ряда, выдавая их стороннее происхождение, а одна стена и вовсе была сложена из обломков известняка на цементирующей смеси, как принято строить здешние дома.

Изучая кладку, я обнаружил, что основанием для Юсуфовой мечети послужил фундамент более древнего, классического строения. Сохранившие первоначальное положение камни этого фундамента были украшены изящными желобками.

Стремясь не пропустить ни одного следа древних рединов, которые явно потрудились и здесь, мы прошли вдоль мощеной дорожки, какие обычно соединяют двери мечети со священным колодезем. Тесаные блоки настила были так тщательно пригнаны друг к другу, что казались частью сооружения домусульманской поры. И в самом деле, миновав маленький колодезь, мощеная дорожка углубилась в заросли. Продолжая идти по ней, мы увидели среди кустарника большой прямоугольный бассейн, доверху наполненный зеркальной водой.

Под слоем дерна скрывалась искусная плотная кладка из шлифованных блоков. Судя по всему, фундамент мечети, дорожка и бассейн входили в единый комплекс и относились к одному периоду. Местные жители подтвердили, что в прошлом богомольцы совершали ритуальное омовение в этом бассейне. Теперь им пользовались очень редко, да и то всего лишь для стирки белья.

Превосходные образцы каменотесного искусства домусульманской поры позволяли сделать вполне определенный вывод. Было совершенно очевидно, что хавитту воздвигла не горстка дикарей, случайно высадившихся со своими женами на острове в незапамятные

времена. Увиденные нами около лесной тропы фрагменты сооружений говорили о том, что здесь трудились опытные архитекторы и профессиональные каменщики, которые обосновались на острове у экватора, приплыв по морю из некой области, где их предки уже достигли высокого уровня культуры. Здесь, в Экваториальном проходе, мы обнаружили первые на Мальдивах следы мореплавателей, представляющих древнюю цивилизацию.

Мечеть Юсуфа была не единственной на Фуа-Мулаку. На территории селения помещались более просторные молитвенные дома, но их соорудили позже, используя, как и в жилых строениях, грубые обломки коралла и известняка. И лучшие части кладки Юсуфовой мечети казались нам непревзойденными по совершенству, пока мы не наткнулись на большое полузасыпанное сооружение перед мечетью Кедре.

Саму мечеть скорее можно было назвать сарайчиком в окружении скромного мусульманского кладбища. Мы опять заметили тут и там в могильных оградах великолепные камни с каннелюрами из храмовой кладки. От входа в мечеть мощеная дорожка привела нас к обширной выемке. По широкой лестнице из огромных тесаных блоков мы спустились на усыпанное гравием дно. В обложенном камнями небольшом мусульманском колодце посредине выемки поблескивала вода. Обрамляющие выемку высокие стены уходили в толщу песка, под которым, видимо, скрывался пол. Шлифованные блоки стенной кладки плотно прилегали друг к другу, образуя водонепроницаемую чашу.

Мусульманский колодец явно был более позднего происхождения, вся же выемка, судя по всему, представляла собой остатки полузасыпанного ритуального бассейна квадратной формы, точно ориентированного по странам света. Стены длиной 5,3 метра поднимались выше моей головы.

Мегалитическая лестница, на ступенях которой можно было лечь в полный рост, спускалась в чашу с восточной стороны. Большие блоки кладки были отшлифованы до гладкости стекла. Мы измерили одну плиту: длина 2,45 м, ширина – 63 см, толщина на всем протяжении – 10 см. Поистине изумительно искусство тех, кто с такой точностью обрабатывал твердый известняк, коренную породу острова! Плиты были пригнаны одна к другой так тщательно, что между ними не просунуть лезвие ножа, а ведь они отличались размерами и отнюдь не все были прямоугольными. Попадались камни с ломаным контуром; тем не менее они примыкали к соседним плитам, словно кусочки мозаики.

Словом, в таинственной мозаике, которая завлекла меня на Мальдивы, врытое в землю сооружение заняло весьма важное место. Я даже назвал бы его пальцевым отпечатком. Снятые с древней хавитты блоки в стенах мечети Юсуфа укладывали довольно небрежно, тогда как эти стены никто не разбирал, перед нами была первоначальная кладка. Следуя важной эстетической или магико-религиозной традиции, знакомой лишь нескольким доевропейским цивилизациям, создатели этой конструкции пользовались чрезвычайно трудными приемами, которых не знали лучшие каменщики не только Европы, но и большинства стран мира. Тем сильнее бросается в глаза, что упомянутая традиция прослеживается на путях распространения народов, вязавших лодки из камыша и подобных ему материалов.

Эти стены напомнили мне про далекие уголки Земли, которые я посещал, пытаясь проследить морские пути древнейших миграций человека. Передо мной была кладка, типичная для народов, связанных с морем, чьи представители пересекали океаны. Впервые я увидел такие стены на самом уединенном в мире клочке суши – на острове Пасхи; затем – в местах былого обитания инков в Южной Америке. После они встречались мне на атлантическом побережье Северной Африки, в Малой Азии и, наконец, на острове Бахрейн в Персидском заливе. Всякий раз характерным стенам сопутствовали суда, связанные из стеблей, всякий раз я все больше приближался к Индийскому океану и вот теперь вижу знакомый

образец своеобразной кладки на одном из островов в этом океане. Таким образом, эта техника распространилась вдоль половины окружности земного шара, и в роли антиподов – остров Пасхи и Мальдивы. Казалось бы, какой-либо контакт тут невозможен. Однако, если вдуматься, прошел же я через разделяющие их океаны на судах древнейшего типа...

Во всей огромной области Тихого океана такие стены известны только на острове Пасхи. Длинноухие пасхальские статуи, изваянные скульпторами забытой цивилизации, были установлены на мегалитических стенах, сложенных с применением именно такой специализированной техники.

В тихоокеанском полушарии лишь на ближайшем к Пасхе, Южноамериканском материке видим сходную кладку. В Перу именно так сооружали мегалитические стены творцы длинноухих статуй, предшественники инков. И представители этого народа выходили в открытое море на камышовых ладьях и бальсовых плотках, причем ладьи и формой, и материалом были похожи на лодки острова Пасхи; сходство настолько разительное, что одни ученые пытались объяснить его удивительным совпадением, другие – древними контактами между Перу и островом Пасхи. Возможность таких контактов я доказал в 1947 году, пройдя со своей командой на бальсовом плоту «Кон-Тики» инкского типа от Перу до островов Туамоту – путь, вдвое превышающий расстояние от Южной Америки до Пасхи.

Следующая встреча с необычной каменной кладкой произошла совсем неожиданно. В 1969 году я прибыл в марокканское селение Ликс, чтобы познакомиться с местными строителями камышовых лодок, перед тем как самому построить папирусную ладью и испытать ее в Атлантике. На всем атлантическом побережье Африки только в Ликсе, бывшем финикийском порту, еще умели вязать такие ладьи. Словом, я приехал изучать суда, а не каменные стены. Однако там, где судоходная река Ликс впадает в Атлантический океан, на высоком мысу вздымались к небу огромные мегалитические стены, и я был поражен, обнаружив, что здесь применена такая же техника пригонки блоков, как в Перу и на острове Пасхи. Год спустя, в 1970-м, я прошел на папирусной ладье «Ра II» с многонациональной командой, от африканских берегов до острова Барбадос, лежащего в относительной близости от Мексиканского залива.

Кем созданы древние сооружения Ликса?

Никто не знает ответа. Пока что археологи сходятся во мнении, что они были построены либо финикийцами, либо какими-то их предшественниками. Во всяком случае, принято считать, что основатели Ликса, воздвигшие здесь астрономически ориентированный мегалитический храм в честь бога Солнца, приплыли откуда-то с Ближнего Востока. Много веков спустя сюда пришли римляне и поверх древних развалин соорудили свой храм, посвященный богу морей Нептуну. Возможность плавания основателей Ликса из стран внутреннего Средиземноморья к атлантическим берегам Марокко никем не оспаривалась, и я не считал нужным моделировать такое путешествие. Судя по всему, выходцы из нынешнего Ливана, пройдя на древних судах через Гибралтарский пролив, обосновались в той самой области, от берегов которой мощное океанское течение направляется к тропической зоне Америки.

Поскольку архитекторы и каменщики, соорудившие солнечный храм Ликса, были сынами великих цивилизаций Ближнего Востока, нет ничего удивительного в том, что они владели искусством обработки огромных камней. Мегалитические стены из гигантских блоков, доставленных из далеких каменоломен, отнюдь не редкость на Ближнем Востоке. Их можно считать одной из типичных черт большинства древних государств, чьи мореплаватели начали осваивать внутреннее Средиземноморье в тысячелетии, предшествовавшем началу истории Европы. В наши дни даже самые пресыщенные туристы, путешествующие с комфортом на автобусах и морских судах, восхищаются величием колоссальных стен.

И особого внимания заслуживает способ пригонки блоков – «пальцевый отпечаток», который я наблюдал на всем пути от острова Пасхи до Ликса и дальше, пути, где указате-

лями служили древние суда. В поисках рисунков папирусных ладей в гробницах и храмах фараонов я увидел образцы специфической кладки в том самом месте, где мы строили «Ра I», когда осматривали мегалитические стены мастаб⁶ и солнечных храмов по соседству с великими пирамидами. Однако в Египте эти приемы не были широко распространены.

Испытав в Атлантике папирусные суда «Ра I» и «Ра II» египетского типа, я отправился в Малую Азию, чтобы изучить местные разновидности древних судов и опробовать в Индийском океане камышовую ладью шумерского типа.

Среди развалин в стране хеттов я словно бы прикоснулся к истокам кладки, по следам которой шел, путешествуя во времени и пространстве назад от острова Пасхи через Перу и Лике. Учитывая древность и историческую важность культуры хеттов, я ничуть не удивился бы, если они оказались бы творцами специфических приемов обработки камня.

Но кто такие хетты и где они жили?

Пока археологи уже в наше время не открыли руины хеттских сооружений, о них никто ничего не знал. А между тем хетты – народ, заслуживающий признания со стороны всех современных государств, считающих себя цивилизованными. Через них дошли из древности до новейших времен ремесла и искусства, обусловившие культурный прогресс. Хетты были предшественниками финикийцев. Их родина, территория нынешних Сирии и Ливана, простиралась в Малой Азии узкой полосой, отделявшей реки Месопотамии от Средиземного моря. От них финикийцы на средиземноморском берегу восприняли искусство письма, изобретенное в Шумере.

Хетты не были самостоятельными творцами основных элементов своей цивилизации. Они усваивали идеи, которые продвигались вверх по судоходным рекам Тигру и Евфрату от шумерских портов Персидского залива. Шумеры научили хеттов воздвигать солнечные храмы, высекать большие каменные статуи с инкрустированными глазами, писать иероглифами и клинописью, строить большие морские суда. На землях хеттов в верхнем течении Евфрата археологами найдена цилиндрическая печать с изображениями камышовых ладей, в точности похожих на ладьи на шумерских печатях.

Процветание хеттов обеспечивалось их командной позицией на торговых путях, соединяющих восточную и западную сферы мореплавания в древнем мире. Всего 200 км отделяли судоходное верхнее течение Евфрата от средиземноморского побережья. Преуспевание самих шумеров основывалось на морской торговле, причем камышовые суда, пересекая Персидский залив, могли затем по Тигру и Евфрату подняться прямо в страну хеттов. Хетты перевозили товары по суше по короткому пути к собственным средиземноморским портам и дальше – в Египет, на Кипр и в разные пункты на берегах примыкающего к их стране внутреннего моря.

Хетты исчезли и были забыты задолго до того, как древние греки стали записывать исторические события. Древнегреческие историки утверждают, что финикийцы первыми начали строить парусные суда и плавать в открытом море. Благодаря археологии сегодня мы знаем, что греки ошибались. Задолго до финикийцев от берегов Ливана и Египта выходили в море корабли. На петроглифах и египетской керамике дофараоновой поры видим большие суда с двумя каютами, парусами и рангоутом. И когда впервые в песках Малой Азии были раскопаны великолепные хеттские солнечные храмы, их каменные стены явили взгляду рельефные изображения больших парусных судов. Вытесанные за сотни лет до финикийского периода, они тем не менее снабжены оснасткой, не уступающей той, какую тысячи лет спустя несли каравеллы Христофора Колумба.

Итак, в стране хеттов, в верховьях Тигра и Евфрата, обрывался зримый след характерной кладки, по которому я шел от одного порта камышовых ладей до другого. В устье

⁶ Мастаб – каменная скамья, современное название древнеегипетских гробниц.

названных рек на шумерских землях такой кладки не было, хотя хетты большинство своих ремесел унаследовали от шумеров.

Уверенный, что техника, ставшая для меня пальцевым отпечатком, распространилась с территории хеттов, я решил, что это они ее создали. В самом деле, где еще ей возникнуть, как не в горной стране на севере Месопотамии. На юге, у берегов Персидского залива, где обосновались шумеры, камня вовсе не было. Весь этот край представлял собой огромную песчано-илистую равнину, и здешние жители сооружали свои огромные ступенчатые пирамиды из сырцового кирпича, а статуи высекали из привозного камня.

В 1977 году на реке Тигр, в самом сердце бывшей территории шумеров, я построил камышовое судно «Тигрис» и вышел в море курсом на легендарную родину шумеров – Дильмун. Почти пять тысяч лет назад шумеры записали на своих глиняных плитках, что после великого потопа их предки высадились в Дильмуне; отсюда на самых больших своих камышовых судах *ма-гур* они пришли в Месопотамию и основали в Уре первую шумерскую династию. Многочисленные плитки с письменами сообщают, что шумерские мореплаватели постоянно возвращались по торговым делам на свою священную родину.

Долго Дильмун оставался лишь легендарным названием, пока археологи совсем недавно не установили, что речь идет об острове Бахрейн в Персидском заливе. Около 100 тысяч больших и малых могильников шумерского периода привлекли на Бахрейн отряд датских археологов во главе с П. Глобом и Дж. Бибби. Они раскопали засыпанные песком остатки древнего портового города, а также сложенный из песчаного камня небольшой храм, напоминающий конструкцией зиккураты Месопотамии.

Когда мы высадились на Бахрейне, Джеффри Бибби прилетел из Европы посмотреть на нашу камышовую ладью – копию тех, что во времена Дильмуна приходили на остров из Шумера, – и провел нас по улицам раскопанного порта.

Мы увидели правильную планировку с улицами, ориентированными на север – юг и восток – запад, как это было заведено у солнцепоклонников. Главные ворота соединяли городскую площадь с портом – свидетельство тесной связи населения с морем.

Бибби обратил наше внимание на мелкое коралловое дно гавани, недоступной для килевых судов, и с интересом отметил, что связанный из двух бунтов с малой осадкой корпус нашей камышовой ладьи позволял ее прототипам свободно входить в гавань во время прилива и ложиться на дно в отлив, что облегчало погрузку и разгрузку.

Вне всякого сомнения, дильмунцы тоже строили камышовые суда. Бибби познакомил меня с островитянами старшего поколения, которые все еще выходили ловить рыбу на лодках, подобных тем, какие я видел на острове Пасхи, в Перу, Диксе, Египте и Месопотамии. Вот почему я не очень удивился, узнав в раскопках Бибби образцы характерной каменной кладки.

Именно на острове Бахрейн я снова вышел на след, потерянный мной в моем странствии назад во времени, вниз по рекам из страны хеттов на илистые равнины Шумера. Некоторые из древнейших стен в расчищенном Бибби портовом городе были сложены с применением специфической техники. Но если шумеры и впрямь пришли на материк с этого острова, они должны были еще раньше освоить эту технику в таком месте, где не было недостатка в камне.

Сам тот факт, что шумеры торговали с Бахрейном и переправляли товары вверх по рекам в страну хеттов, показывает, что между народом Дильмуна и хеттами не было географического барьера. Поскольку шумеры связывали свое происхождение с Бахрейном, а культура хеттов моложе шумерской, мне подумалось, что Бибби подвел меня еще ближе к родине характерной кладки. Мысль о том, что каждый шаг дальше на восток ведет нас все больше назад во времени, порядком озадачивала меня. Бахрейн находился на полпути между

Шумером и Ормузским проливом – воротами в Индийский океан, – однако было бы неверно делать вывод, что своеобразное каменотесное искусство зародилось здесь. По словам Бибби, нигде на Бахрейне не было превосходного известняка, какой пошел на кладку необычных стен, так что сотни тысяч тонн строительных блоков явно были доставлены морем, а где их заготавливали, еще не установлено.

Получив разрешение местных властей посетить лежащий по соседству с Бахрейном остров Джида, где помещается исправительно-трудовая колония, мы обнаружили искомые каменоломни. Известняковые холмы Джиды основательно изрезаны людьми, которые были искусными каменотесами и мореплавателями. Строители порта и мини-зиккурата на Бахрейне не плавали пассивно по течению; они явно пришли из страны, чьи жители знали толк в горных породах, мастерски обрабатывали камень и поднаторели в перевозке его по морю к месту строительства. Некоторые блоки, доставленные с Джиды на Бахрейн, отличались громадными размерами и безупречной отделкой. Но самое сильное впечатление произвела на нас кладка, которую мы увидели, сойдя по ступеням на дно раскопанного Бибби ритуального бассейна у подножия мини-зиккурата. Не подозревал я тогда, что через несколько лет увижу похожий бассейн на острове Фуа-Мулаку далеко в Индийском океане. Вот мои записи гой норы: «Бибби не без удивления смотрел, как я, опустившись на колени, штудирую гладкую поверхность раскопанных им дильмунских плит и способ их соединения. Камни... без малейших просветов прилегали друг к другу... Мои товарищи по плаванию глядели на меня, как на какого-нибудь Шерлока Холмса, пытающегося обнаружить отпечатки пальцев или следы инструмента, чтобы выйти на след исполнителей. Изумительно обработанные и подогнанные блоки воплощали специфическую технику, с которой я уже не раз встречался. И я объяснил своим озадаченным спутникам, как эти каменные стены увязываются с нашим плаванием и с плаваниями людей, которые воздвигали их на Бахрейне».

Покинув остров Бахрейн с его дошумерским портом, мини-зиккуратом и ритуальным бассейном, мы вышли на «Тигресе» через Ормузский пролив в Индийский океан. Здесь наша первая остановка была в Омане, и археолог Паоло Коста отвез нас к огромным древним копиям, которые поставляли медную руду дильмунцам и шумерам. На самой территории месторождения мы увидели только что открытые остатки мини-зиккурата, а в приморье Коста показал нам все еще используемые местными рыбаками лодки шумерского типа. Однако характерной каменной кладки здесь не было.

После Омана наша камышовая ладья взяла курс на Пакистан и долину Инда, где мы посетили частично раскопанные руины Мохенджо-Даро – столицы давно забытой цивилизации, расцвет которой начался около пяти тысяч лет назад, вскоре после утверждения династии первых фараонов в Египте и основания первого царства в Шумере. Мой интерес к Мохенджо-Даро объяснялся тем, что цивилизация долины Инда приблизительно с 2500 года до н. э. по 1500 год до н. э. (когда она внезапно прекратила свое существование) поддерживала тесные связи по морю с Бахрейном и Месопотамией. Множество печатей с не расшифрованными до сих пор индийскими письменами найдено на островах Персидского залива и в Месопотамии – от Ура в приморье до страны хеттов на территории нынешней Сирии. На одной из печатей в Мохенджо-Даро мы увидели изображение камышового судна с каютой, двуногой мачтой и двойным рулевым веслом – совсем как у ладей Древнего Египта и Шумера, как у нашего «Тигриса». Плавая между Месопотамией, Бахрейном и долиной Инда – путь, только что пройденный нами, – древние торговцы могли перевозить тонны груза и провианта, будучи избавленными от трудностей и опасностей сухопутного транспорта через пустыни, горы и земли враждебных племен.

Итак, в Мохенджо-Даро были камышовые суда, увидели мы и ритуальный бассейн, вот только пальцевого отпечатка – характерной кладки – не оказалось; как и в Шумере, на равнине у Мохенджо-Даро не было строительного камня. Кварталы, площади и улицы строго

ориентированы в направлении север – юг и восток – запад, как в городах солнцепоклонников Месопотамии и Бахрейна. В число главных сооружений входил террасированный храмовый холм, и у его подножия помещался большой ритуальный бассейн. Широкая лестница, по которой спускались к воде, скамьи вдоль стен – все походило на сооружение, виденное нами на Бахрейне. Однако индский бассейн в отличие от бахрейнского был сложен из кирпичей, скрепленных асфальтом.

Именно далекий Бахрейн, а не Мохенджо-Даро вспомнился мне, когда я увидел древний ритуальный бассейн на Фуа-Мулаку. Я ощупывал характерные гладкие стены, проводил ногтем по тонким швам между камнями, а перед моим мысленным взором проходили картины путешествий в пространстве и времени, которые привели меня в этот уголок. Сходство сооружения на мальдивском острове и подобного ему на Бахрейне не могло не волновать.

Может быть, есть и родство?

Может быть, древние мореплаватели, которые использовали Бахрейн как транзитный порт в торговле Месопотамии с долиной Инда, доходили также до Мальдивов?

Расстояние от Лотхала, главного порта Индской цивилизации, до Мальдивского архипелага не больше пути от устья Инда до Месопотамии. И не больше дистанции, которую покрыли мы на камышовом «Тигресе», когда под конец нашего плавания прошли без заходов от долины Инда до Джибути в Африке. Зная, что древняя Индская цивилизация распространяла свое влияние на юг вдоль западного побережья Индии, естественно предположить, что бесстрашные мореплаватели исследовали собственные берега в восточном направлении так же уверенно, как плавали на запад в далекий Шумер.

Но в таком случае они неизбежно должны были натолкнуться на Мальдивский барьер и обнаружить проход у экватора. Истые солнцепоклонники и сведущие астрономы не могли не заинтересоваться Экваториальным проходом.

И мне пришла в голову фантастическая догадка. Я ведь видел такой же бассейн, только еще больших размеров, в Перу, на равнине у берегов Тихого океана. Он был построен из сырцового кирпича предшественниками инков, солнцепоклонниками области Чан-Чан. Они воздвигли большие и малые ступенчатые пирамиды типа зиккурата. И район обитания этих людей был главным центром доинкского мореплавания. Герои, плывущие по морю на камышовых судах, – обычный мотив декора их керамических сосудов. А лепные фигурные сосуды изображают их древних царей с вытянутыми ушными мочками, в отверстия которых вставлены большие диски.

Нет ли тут связи?

На первый взгляд эта идея была слишком уж фантастической. Я давно подозревал, что представители ближневосточных культур за много веков до Колумба достигали по морю тропических областей Америки, но при этом мне мыслился прямой путь от Африки, а не из далекой Азии. Некоторые авторы рассматривали возможность древних плаваний из Индии в Америку через Тихий океан. Я, как и абсолютное большинство других исследователей, отвергал подобные предположения как географический нонсенс. Если мореплаватели из Индии доходили до азиатских берегов Тихого океана, им предстояло еще обогнуть половину земного шара, чтобы достичь Америки. Тихоокеанское побережье Юго-Восточной Азии и тихоокеанские берега Южной Америки – антиподы. Больше того, в Тихом океане древние парусные суда любого типа ожидало противоборство преобладающих ветров и течений, которые в этой части планеты направлены от тропической зоны Америки к тропическим областям Азии. Сам земной шар в своем вращении придал им постоянное мощное движение.

Никто, похоже, не задумывался над тем, что Америка гораздо ближе к Индии, если плыть на запад, через Атлантический океан. К тому же на этом пути мореплавателю благоприятствуют стихии.

Обнаружив теперь, что древние мореходы прочно утвердились на Мальдивских островах, мы понимали, что эта позиция вполне позволяла им плыть дальше до самой Америки. Зимой попутный северо-восточный муссон благоприятствовал плаванию от Мальдивов к южной оконечности Африки, за которой открывается Атлантика. В любое время года Южное Пассатное течение и юго-восточные пассаты могли донести мальдивских мореплавателей до Мексиканского залива – этого магнита, притягивающего любые предметы, очутившиеся на воде у африканских берегов. Я сам дошел со своим экипажем на папирусной ладье «Ра II» из Северной Африки до Америки, влекомый Северным Пассатным течением и северо-восточным пассатом. С таким же успехом мы могли дойти до Америки от Южной Африки с Южным Пассатным течением и юго-восточным пассатом. Два течения – две могучие атлантические реки – встречаются у берегов Бразилии и вместе входят в Мексиканский залив.

Если рассматривать Мальдивы как исходную точку плавания и следовать курсом, начертанным стихиями, географическая картина выглядит совсем иначе. Мореплавание становится вполне возможным. Считать, как думалось мне до сих пор, что с практической точки зрения путешественники из Южной Азии никак не могли достичь тропических областей Америки, было бы неразумно.

Но главное место в моих размышлениях о том, что же происходило в далеком прошлом, занимали длинноухие скульптуры, заманившие меня на Мальдивы. Наметилась их связь с местными мастерами специфической кладки. Еще раньше я проследил эту кладку и камышовые лодки вкупе с обычаем удлинять мочки ушей, начиная с острова Пасхи и кончая Перу и Мексикой. Пасхальцы всё еще растягивали мочки до самых плеч, когда остров посетил капитан Кук, меж тем как ни на одном из тысяч других островов Тихого океана не было такого обычая. Представители инкской знати вплоть до прибытия в Южную Америку испанцев тоже растягивали мочки подобными дисками, утверждая, что их научил этому легендарный солнце-король Кон-Тики-Виравоча. По словам инкских историков, этот король правил жившим в Перу народом длинноухих, пока не покинул страну, выйдя в Тихий океан.

В Мексике испанцы не застали обычай растягивать мочки, однако многие майяские стелы, а также ольмекские и ацтекские скульптуры и рельефы изображают людей с длинной бородой и огромными дисками в мочках ушей. На фресках одного майяского храма в Чичен-Ице видим мореплавателей с белой кожей и желтыми волосами, которые подходят к берегу, где их весьма нелюбезно встречают темнокожие люди, – и у всех белокожих длинные ушные мочки. Судя по изображениям в керамике и камне от Мексики до Перу, растягивание мочек исстари было распространено среди аборигенов Америки. Притом распространено именно там, где представители местных цивилизаций начали поклоняться солнцу и строить пирамиды типа зиккурата, живя организованными общинами в городах с квадратной планировкой, в домах из сырцового кирпича – совсем как в древних государствах Ближнего Востока.

Я тщетно искал следы обычая удлинять ушные мочки среди строителей пирамид Месопотамии и Египта, среди древних мореплавателей, заселивших Кипр, Крит и Мальту, у финикийских мореходов, у основателей Ликса. Видимо, им этот обычай был неизвестен. У меня накопился перечень более ста присущих культурам Мексики и Перу доколумбовой поры своеобразных черт – настолько специфических, что они неизвестны больше нигде в Америке; однако все эти черты налицо там, где сложились древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Вот только удлинения мочек нет в этом списке. Хотя в Мексике и Перу знали этот обычай, у древних мореплавателей по другую сторону Атлантики я его не обнаружил.

Но вот через год после экспедиции «Тигрис» я вновь посетил долину Инда; на сей раз – чтобы осмотреть недавно открытую искусственную гавань Лотхала, главного порта Индской цивилизации. Его портовые сооружения – древнейшие в мире. Расцвет Лотхала пришелся приблизительно на период с 2500 года до н. э. по 1500 год до н. э.

Сотрудники Университета Барода сортировали материал, раскопанный ими в доках и складах, возраст которых превышает четыре тысячи лет. Один ящик был заполнен напоминающими огромные позвонки круглыми керамическими дисками с рифленой кромкой, в точности похожими на керамические ушные затычки древней Мексики и Перу. И на инкские, сделанные из чистого золота. На острове Пасхи мы сами находили в раскопах затычки, вырезанные из толстых раковин. Ни секунды не сомневаясь в назначении предмета, раскопанного археологами в Лотхале, я все же обратился к ним с вопросом.

– Ушные затычки, – последовал ответ, – Понимаете, эти древние мореплаватели делали отверстия в мочках и растягивали их, вставляя такие диски.

Итак, мореплаватели Индской цивилизации были длинноухими!

От них обычай удлинять мочки был воспринят индусской знатью, затем распространен по всей Азии Буддой и его последователями. Ничего удивительного, что на Мальдивах появились длинноухие статуи, изваянные древними скульпторами.

Лишь позднее я узнал, что на Мальдивах растягивали мочки ушей вплоть до недавнего времени. Изучавший местные обычаи Мэлони, цитируя одного наблюдателя, пишет, что женщины делали отверстия в мочках, и добавляет: «Некоторые мальдивцы и теперь помнят, что мочки ушей их бабушек свисали почти до плеч». Все говорит за то, что своеобразный обычай принесли на Мальдивы каменщики, которые в древности плавали по морям на камышовых судах.

Поднявшись по ритуальной лестнице из чаши бассейна на Фуа-Мулаку, я любовался искрящейся синей гладью Экваториального прохода, и казалось, сам воздух насыщен волнующими подсказками. Если мы, новички «камышового мореходства», успешно пересекали океаны, наверно, то же могли сделать многоопытные длинноухие из Лотхала? Кто ведает, какое движение шло через этот пролив в течение тысячелетий, какие суда первыми пристали к этим уединенным берегам и какие люди соорудили большую хавитту и совершали омовение в великолепном бассейне?

Оседлав велосипеды, мы доехали по тропе до пустоши к югу от селения и остановились на участке, изобилующем признаками бывшего обитания. На сухой каменистой почве деревья не росли, но остатки стен и могильников покрывал низкий кустарник.

Посреди этого участка помещался большой круглый бассейн, врытый глубоко в грунт и облицованный тесаными плитами с известковой штукатуркой. Чаша диаметром 20,6 метра была такая ровная и гладкая, что местные жители были убеждены, что некий древний каменщик вырубил ее в одном огромном куске породы.

В метре с лишним ниже края вдоль всей стены тянулась полка, от которой до дна был еще один метр. К полке почти вплотную подступала чистая свежая вода, хотя дно чаши выстилал толстый слой ила. Часть восточной стены составляла лестница, спускающаяся к воде.

Каково было назначение старинного сооружения?

Островитяне явно знали об этом не больше нашего. Им представлялось, что *ваша вео* (Абдул перевел это как «круглый бассейн») служил какому-то предшествовавшему им народу для священных ритуалов, и они показали нам остатки основательно разрушенного храма в нескольких шагах к востоку от лестницы.

А мне вспомнилось, что я уже видел бассейн такого типа – с большой круглой чашей. Видел на Бахрейне, где его соорудили древние мореплаватели. Те самые, которым приписывали прямоугольный бассейн с его специфической кладкой. Само то, что люди Дильмуна строили ритуальные бассейны двух совершенно различных типов, было загадкой, и вот здесь, на Фуа-Мулаку, мне снова встретились обе разновидности.

Делать какие-либо выводы было бы преждевременно, зато самое время быть начеку и искать другие следы на островах, которые до сей поры не привлекали внимания историков. Утверждать, что Фуа-Мулаку посещали дильмунские мореплаватели или длинноухие из Лотхала, было слишком рано, однако увиденное нами убедительно говорило о том, что Мальдивы служили одной из многих промежуточных станций для представителей великих цивилизаций – морских скитальцев, бороздивших океаны за сотни лет до того, как началась история европейского мореходства.

Когда капитан «Миду» доложил, что винт его судна снова вращается, мы поднялись на борт и на время оставили Фуа-Мулаку. Предвкушая новые открытия, мы вечером вышли, в море курсом на ближайшие острова к северу от Экваториального прохода с таким расчетом, чтобы дойти до цели на заре.

Снова над нами тропическое небо с мерцающим среди сонма созвездий Южным Крестом. Силуэт низкого атолла Фуа-Мулаку очерчен торчащими над морем перистыми кронами пальм, которые медленно сливаются воедино, образуя сплошную черную стену, и пропадают во тьме за нашей кормой.

Пять часов спустя, перед самым восходом, мы вошли в тихую лагуну атолла Гааф, прежнее название – Хуваду.

Глава IV Пирамида в джунглях

Солнечный храм на Гааф-Гане

Оставив позади узкий пролив, мы плыли по озаренной утренним солнцем мирной лагуне вдоль песчаного берега длинного низкого острова, густо поросшего тропическими деревьями. Только лес – и ни одного дома. Почему-то этот плодородный остров был необитаем.

Назывался он Ган, как и остров с аэропортом по ту сторону Экваториального прохода, где началось наше знакомство с атоллom Адду. Мы решили называть его Гааф-Ган, так как он был частью широкого атолла Гааф. В Мальдивском архипелаге есть еще один крупный остров Ган, в атолле Ламу к северу от прохода Полуторного градуса. По сведениям, собранным Хасаном Манику, на всех трех одноименных островах находились древние холмы, самый большой – как раз на том Гане, вдоль которого мы сейчас следовали. Сам Манику его не видел, не упомянул он и у Белла, но в рукописи Хасана говорилось, что среди жителей соседнего острова он известен как Гаму *хавитха* – «Холм Гаму» – и высота его достигает почти 20 метров.

В Мале я спрашивал Манику, почему три крупных острова в архипелаге названы одинаково и что означает слово «Ган»? Он ответил, что «Ган» и «Гаму» – всего лишь две разные грамматические формы одного и того же слова, по-настоящему все три острова должны называться Гаму, причем «гаму» – древнее санскритское слово, означающее «селение». Известно, что в мальдивском языке дивехи много санскритских корней. Санскрит – один из основных древнеиндийских языков, распространившийся из области долины Инда около 1500 года до н. э., как раз в ту пору, когда произошло крушение Индской цивилизации. Но ведь остров, на который мы сейчас смотрели с палубы «Миду», был необитаем; странно, что его называли Ган, если это слово означает «селение» или «деревня»...

Узкий пролив, через который из Экваториального прохода в лагуну вторгался накат, отделял Ган от значительно меньшего, густо населенного островка Гаду. В занимающем всю площадь Гаду селении теснятся 1600 жителей, а на необитаемый Ган они приплывают только за пищей.

Мы бросили якорь около Гаду, и местная дхони отвезла нас на берег. Приветливые островитяне отвели нам дом собраний с щедро посыпанным белоснежной коралловой крошкой земляным полом, на котором поставили раскладушки с камышовыми матами.

Первым делом я спросил, почему необитаем большой остров Ган. И с удивлением услышал, что давным-давно на Гане жили люди, но однажды остров подвергся нашествию огромных свирепых кошек. Часть жителей Гана была убита, часть спаслась, уйдя на своих лодках в океан. С той поры на острове никто не селится, и жители Гаду посещают его только днем.

Кошки – единственное домашнее животное на Мальдивах; вообще мальдивцы прежде не знали других наземных животных. Но предание подразумевало кошек совсем иного рода, это были какие-то демоны в рост человека в кошачьем обличье.

По словам жителей Гаду, в лесу на Гане осталось множество руин. Их никто не раскапывал, и там действительно есть большой холм, но здесь его не называли *Гаму Хавитта* – «Холм Гана», – потому что на Гане холмов несколько. Самый большой из них (островитяне говорили о нем «*Боду хавитта*», что означает «Огромный холм»), сооруженный в давние

времена людьми народа редин, назывался *Вадамага хавитта*. Все считали, что внутри него спрятаны всевозможные предметы.

Вождь Гаду познакомил нас с высокорослым островитянином, который явно занимал видное место в общине. Его звали Хасан Манику, как и нашего ученого друга в Мале, и Абдул, чтобы различать их, стал величать местного Хасана «хозяином» Гана. При этом он объяснил нам, что ни один из островов архипелага не находился в чьем-либо личном владении, просто мальдивское правительство разрешило Хасану арендовать Ган. Жители Гаду собирают там кокосовые орехи и отдают одну восьмую сбора «хозяину».

Услышав, что мы мечтаем посетить необычный остров, «хозяин» охотно согласился доставить нас туда. С двумя помощниками он повез нас через пролив на маленькой дхони. Покачиваясь на волнах, вторгающихся в лагуну через пролив, мы зашли за песчаную косу. Здесь лодка легла на грунт, и по теплой воде мы прошагали вброд на берег Гана. Усмиренные широкой лагуной волны поглаживали белый песок на пляже. Гааф-Ган, как и все мальдивские острова, – образованная кораллами плоская платформа, возвышающаяся от силы на два метра над уровнем Индийского океана. Высокие волны Экваториального прохода свободно перекатывались бы через него, не будь защитной преграды в виде чуть скрытого водой прибрежного рифа. Осаженные в своем вольном движении известняковым барьером, океанские валы поднимаются на дыбы и, усмиренные, доходят до суши мелкой рябью.

Около часа длился пеший переход – сначала через травянистую равнину с высокими кокосовыми пальмами, затем по хорошей тропе, окаймленной плотными зарослями. В непролазной чаще совсем рядом могли скрываться невидимые с тропы сооружения. Густое сплетение ветвей, листвы и колючек оставляло пространство лишь для тоненьких ящериц. Зато высоко над подлеском на макушках деревьев висели вниз головой коричневые летучие мыши величиной с кролика. Спугнутые нашими голосами, они улетали прочь, расправив кожистые крылья, словно ведьмы в широких плащах. Эти летуны явно оказались единственными теплокровными животными на острове, после того как большие кошки изгнали людей.

Меня изрядно озадачило предание о больших кошках. Никакие тюлени или другие морские животные не могли обратить в бегство людей, которые смело сражались с самыми крупными акулами. Проще всего посмеяться над этой историей, посчитав ее чистым вымыслом, призванным объяснить, почему Ган обезлюдел. Однако, беседуя с «хозяином» острова и другими, кто верил в старинное придание, легко было убедиться, что перед нами не какие-то недоумки, а наследники цивилизации, не менее – а то и более – древней, чем наша.

Мне вспомнилось, что жители ближайшей большой страны, Шри-Ланки, называют себя сингалами – «львиными людьми». На Шри-Ланке никогда не водились львы, но сингалы считали своими предками древних мореплавателей из Индии, потомков легендарного правителя-льва. По этой причине они высекали из камня изображения львов и изготавливали другие символы, в том числе устрашающие маски с кошачьими клыками, которые надевали как в мирное, так и в военное время.

Конечно же, мальдивцы, никогда не видевшие крупных представителей семейства кошачьих, должны были воспринять львов как «очень больших кошек». И многое говорило за то, что «львиные люди» доходили до Мальдивов. Большую хавитту на Фуа-Мулаку Белл определил как разрушенную сингальскую ступу. Отбитая голова Будды и бронзовая буддийская фигурка, которые мы видели в Мале рядом с изображениями демонов и индусской фигуркой, убедительно свидетельствовали, что до мусульман на Мальдивы пришли буддисты (и застали здесь людей, исповедовавших еще более древнюю религию). «Львиные люди» Шри-Ланки были ревностными буддистами и ближайшими соседями мальдивцев. Вполне возможно, что именно сингалы в львиных масках были «большими кошками с моря», чья свирепость заставила все население Гана покинуть остров.

Мы продолжали шагать по тропе, когда «хозяин» острова вдруг остановился и что-то произнес, показывая рукой на заросли. Абдул перевел: где-то в той стороне, возле другого берега, находятся развалины «буддийского дворца». От него почти ничего не осталось.

Я спросил, были ли редины буддистами. Нет, редины – это те, которые построили хавитты, «буддийский дворец» был сооружен другими людьми. Вечером, сказал «хозяин», когда мы вернемся на Гаду, он соберет стариков, и, может быть, они согласятся поведать нам, что им известно.

Тем временем мы вышли на прогалину, с которой открывался вид на море. Песок на опушке был изрыт черепахами. Короткая трава в центре прогалины окружала глубокий каменный колодец. Рядом лежала длинная палка с привязанной к ней половинкой скорлупы кокосового ореха, и наши спутники зачерпнули ею свежей чистой воды. От колодца в глубь острова уходила заросшая тропинка. Повинуясь «хозяину», его помощники возглавили наше шествие, чтобы прокладывать длинными секачами путь в зарослях.

Темп движения заметно снизился. Пробираясь вперед шаг за шагом, мы любовались отдельными могучими стволами, равных которым нам еще никогда не доводилось видеть в джунглях. С зеленого свода канатами свисали лианы; толстые сучья напоминали полки в цветочном магазине, выстланные мхом с живым орнаментом из орхидей и паразитических папоротников. Было жарко. Жарко и душно. Ветру сюда не было хода. Ничто не нарушало неподвижность листвы безмолвных экваториальных джунглей.

Мы обливались потом и отбивались от комаров. Наконец наши проводники остановились и, указывая на что-то секачами, пропустили меня вперед. Прямо передо мной была сплошная зеленая стена, однако, приглядевшись, я рассмотрел в гуще листвы какую-то темную, почти черную массу. Словно кто-то много веков назад нагромоздил здесь гору кокса, обросшую мхом и травой.

Гора оказалась очень широкой; шагнув ближе, я увидел, что и справа, и слева за лиственной завесой чернеют камни, одетые мхом. О высоте горы мы не могли судить, так как макушка ее терялась в зеленом покровеверху.

Это была она – большая ганская хавитта. Стоя у ее основания и пытаясь, запрокинув голову, составить себе хоть какое-то представление о размерах необычного сооружения, мы с Бьёрном не могли удержаться от удивленных возгласов. Потом опустили на четвереньки и полезли по камням вверх, в гущу зелени, протискиваясь между папоротниками и кустами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.